

Орынбай Жанайдаров

*Жусуп
Баласагуни*

ББК 84 Қаз 7-4
Ж 27

Рекомендовано Министерством образования и науки
Республики Казахстан

Издание выпущено по программе Министерства
культуры и информации Республики Казахстан

Ж 27 Жанайдаров О.

Жусуп Баласагуни. История, личность, время. – Алматы.
«Аруна», 2008. – 92 с. – Серия «Знаменитые люди Востока».

ISBN 9965-26- 283-7

«Жусуп Баласагуни» – красочно иллюстрированная книга для детей и взрослых на казахском и русском языках, которая доступно повествует о жизни ученого и придворного поэта древности. Баласагуни создал монументальное эпическое творение «Кутадгу билиг» – великий памятник тюркоязычной поэзии, достойный быть названным в ряду крупнейших произведений мировой литературы средневековья.

ББК 84 Қаз 7-4

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Аруна».

ISBN 9965-26- 283-7

© ТОО «Аруна Ltd.», 2008

Содержание

Глава 1. <i>Ярвитель и поэт, великий каган и министр двора</i>	5
Глава 2. <i>История династии Караханидов</i>	16
Глава 3. <i>Детские годы Жусуна</i>	21
Глава 4. <i>Наследники Афрасиаба</i>	30
Глава 5. <i>Легенда о серебряном бассейне</i>	42
Глава 6. <i>Начало книги</i>	50
Глава 7. <i>Первые строки «Книги о счастье»</i>	57
Глава 8. <i>Как спорили каган Кунтуды и визирь Аитолды</i>	63
Глава 9. <i>О семи планетах и двенадцати знаках зодиака</i>	67
Глава 10. <i>Завершение работы над «Книгой о счастье»</i>	77
Глава 11. <i>Одинокая песня</i>	81
Глава 12. <i>«Книга о счастье» в руках султанши Уварпы</i>	85
<i>Эпилог</i>	90

Памяти поэта и ученого, моего друга Аскара Егеубаева, большую часть своей недлинной жизни посвятившего изучению творческого и научного наследия Жусупа Баласагуни и Махмуда Кашгари.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Т*равитель и поэт, великий каган и министр двора

*Т*равитель страны – великий Богра-каган дал ему разрешение посетить библиотеку, ознакомиться с ее сокровищами. И теперь министр двора Хас Хаджиб Жусуп вошел в хранильницу драгоценных мудростей. Библиотека кагана состояла из множества комнат, и в каждом помещении стояли деревянные сундуки с книгами... В сундуках, на инкрустированных серебром и бронзой крышках, рядом с сундуками одна на другую было уложено множество книг, очень много книг... Сотни, тысячи древних рукописей. Жусуп увидел там редкостные экземпляры, о которых люди не слышали, не ведали, увидел и прочел то, о существовании чего многие ученые даже не догадывались, здесь хранились редкие, никем не прочитанные, не известные миру книги... Жусуп стал жадно их читать, пытаясь освоить все, что было в них полезного, и понять то, что в них написано, какими знаниями обладал автор той или иной рукописи... Среди множества книг он обнаружил трактат на арабском языке персидского мудреца Омара Хайяма, которого прежде знал как поэта, «Трудные вопросы арифметики»... Жусуп переходил от сундука к сундуку. Вот книги по древней медицине... А здесь китайские и корейские... Книги тибетцев, индусские манускрипты... А в этом большом сундуке книги на греческом и латыни... Монгольские в войлочных обложках... Не было только книг на его родном тюркском языке...

– Жусуп, сынок, просыпайся, в школу пора! – тихий далекий голос матери вытаскивает пятидесятилетнего министра двора Жусупа из блаженного сна... Книги... Книги... Свитки... Пергамент... Египетские папирусы... Все это богатство есть в библиотеке правителя Кашгара, Баласагуна, Самарканда и Ферганы Богра-кагана Харуна.

– Мама, мама, ты снова пытаешься мне помочь в трудное время, – прошептал Жусуп, наконец-то открывая глаза...

Каждый раз, как у него болело сердце, ему снилась мать, которая в далеком и невозвратном детстве каждое утро вот так тихо, ласково, нетревожно будила его рано утром: «Жусуп, сынок, просыпайся, в школу пора...»

«Жусуп, сынок, просыпайся... Жусуп, сынок...»

Жусуп родился в 1015 году в городе Куз-Орда, который позднее стал называться Баласагун. Детские годы его прошли в Кашгаре. Он учился в медресе в Самарканде, доучивался в Бухаре, знал много языков, в том числе латынь, греческий и арабский. В государстве Караханидов, в его столице Баласагуне, Жусуп занимал видные должности, был советником нескольких ханов, которых в те далекие времена принято было называть каганами.

Богра-каган был не только правителем государства, но и большим другом министра двора Хас Хаджиба Жусупа. Оба они стоили друг друга, едва ли не единственные в этом огромном тюркском государстве прочли множество книг, были людьми просвещенными...

Однажды Жусуп был свидетелем того, как правитель принимал зарубежного посла. Посол был от арабов, посланцем халифа мусульман, а столица халифата, как известно, находилась в Багдаде. Хас Хаджиб Жусуп – министр двора и переводчик кагана в одном лице – сам был организатором и участником церемонии, но то, что они вместе с послом увидели, удивило и даже его самого, повидавшего многое.

Вот как это было. Арабский посол и Хас Хаджиб пришли на прием и увидели, как каган с помощью инструментов своими руками мастерил седло. Заметив, что к нему пришли, каган спросил Жусупа:

– Кто это с тобой? Мой вассал?

Жусуп ответил:

– Нет, Ваше Величество! Это посол царя арабов, великого халифа мусульман. Их страна находится очень далеко.

Продолжая мастерить седло, обтачивая наждаком деревянную луку, Богра-хан сказал:

– Когда он приехал?

– Сегодня утром, – ответил Жусуп.

– Отведи его в приемные комнаты, – сказал каган, – пусть его хорошенько накормят, все-таки гость с дороги. Я приму его вечером.

Изумленного посла отвели в шатер, где находились служители дворца, в том числе и сам Хас Хаджиб.

(Позднее об этих событиях в своих записях рассказывает арабский историк Ибн аль-Факих: «Там было много мяса, но мало хлеба...»)

Вечером состоялась аудиенция:

– Что тебе нужно, посланец великого халифа? С чем приехал? Жусуп уже успел вкратце объяснить кагану цель его визита.

Пока посол говорил льстивые слова, которые переводил Жусуп, каган недовольно хмурил брови.

В заключение тот сказал:

– Мой господин, великий халиф арабов и мусульман всего мира видит, что ты находишься в заблуждении, и хочет дать тебе искренний совет – он желает тебе принять исламскую веру.

Каган спросил:

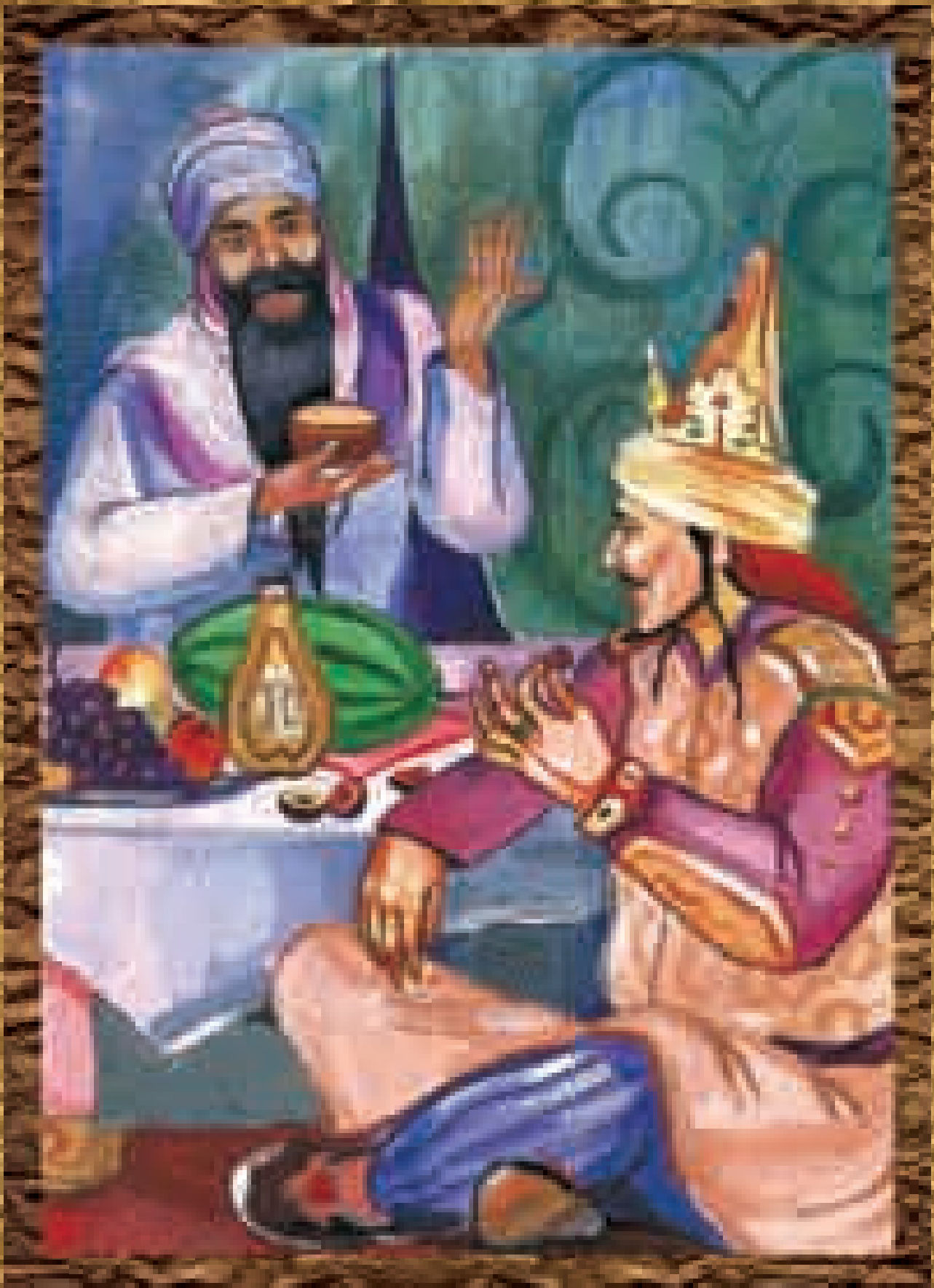
– Что такое ислам?

Посол стал рассказывать ему о религиозных догмах, о том, что ислам запрещает и что поощряет, о религиозных обязанностях и о служении богу...

Каган прервал его:

– У меня во дворце тридцать три жены, от них у меня двадцать детей, а ты предлагаешь заменить мне их на четверых?!.. А куда я дену остальных? А дети от них, это же мои дети? Вот если бы твой халиф послал ко мне на помощь войско и помог разбить каракитаев и сельджуков, тогда я бы принял его веру, не задумываясь... И мой народ стал бы верить в вашего пророка Мухаммада, да будет над его именем мир! А вообще, кто они, мусульмане? Где они живут, в городах или шатрах?

Посол ответил:

– Мусульмане – жители городов, среди них есть сапожники, портные, банщики...

– Простолюдины есть и у меня, – сказал на это каган. – А есть ли у них кузнецы?

– Кузнецы у нас есть, – ответил посол, – есть еще строители домов и дворцов, мебельщики и писцы...

– А поэты есть? – спросил каган, слегка подмигивая Жусу-пу, лучшему поэту каганата...

– У нас много поэтов! – воскликнул посол. – Сам пророк Мухаммад, да будет мир ему, был выдающимся поэтом!

– Я читал священную Книгу, – вдруг сказал каган, она очень мудрая. В ней много добрых и умных мыслей. Но все же, если бы твой халиф прислал мне своих воинов, как это было триста лет тому назад, когда наши предки вместе сражались с Цинской империей, это было бы гораздо лучше... Вообще, ты нас хочешь изрядно запутать. Вашего бога зовут Аллах, бога персов – огнепоклонников именуют Кудай, а мы поклоняемся Тенгри! Все эти божества – суть одно и то же, все они обитают на Небе! – тут каган вознес глаза к небу. – Они и есть Великое Небо, мы верим в каждого из них!..

Передай халифу, что мы пока не готовы принять ислам полностью. Мы возьмем из вашей веры только то, что нам сегодня необходимо.

Жусуп стал понимать, что надежность и крепкое положение государства зависят также от таких важных лиц, как послы, от обращения с ними... Посол должен быть всесторонне образованным человеком, знать много языков, думать об интересах своего государства, о том, как показать достоинство посланной им с ответственной миссией страны перед другими странами. Посол своим поведением, внешним видом, речами, делами должен возвеличивать свой народ. Посол халифа – правителя арабов был именно такой.

Сколько славных они выполняют дел!

Благородством людей покорять – их удел,

– внезапно сами собой сложились стихи.

Посол должен скрывать свое настроение, личные переживания, свои мысли, пряча их под личиной дипломатической улыбки.

*Приятен тот муж, чей воздержан язык,
Кто речью хорош, тот и делом велик!
Что скажут – запомни, но в сердце держи.
Услышал – будь стойким, другим – не скажи.
Пошли его смело в любой дальний дол:
Мужчина – не близко, да близок посол!..*

– продолжил дифирамбы послам поэт Жусуп, удивляясь возникшим неожиданно строчкам.

Однажды рано утром каган вызвал его к себе, они пошли в конюшни его Величества, где стояли отборные скакуны. Каган и Жусуп сели на коней. Жусуп с малых лет был приучен к верховой езде, и когда он уверенно запрыгнул в высокое пекинское седло, каган усмехнулся, как бы говоря: «У нас и министры лихо держатся в седле!..»

Вместе с ними поехали посланники сопредельных держав, которые пока еще не могли понять, зачем вождь тюрков поднял их так рано. Послы сидели в пышных каретах, в которые были запряжены по десять лошадей...

Каждый из десяти сопровождавших кагана всадников держал в руках развевающееся знамя. Знамена были разноцветные, а изображены на них то свирепые львиные и волчьи головы, то скачущая лань, то мощные, выгнувшие спину быки, то белые верблюды... На том знамени, где не было изображения зверя, имелась вышитая красным шелком родовая тамга – буква или особый знак. Когда они достигли холма, окруженного рощей, как раз начало всходить солнце. Как только солнце поднялось, каган приказал одному из десяти сопровождавших его людей развернуть свое знамя, и оно засверкало в солнечных лучах... И тут неизвестно откуда появились десять тысяч вооруженных всадников, которые закричали «Чах! Чах!», приветствуя своего предводителя. И они выстроились под холмом. Их военачальник выехал вперед и остановился перед каганом.

Один за другим все знаменосцы разворачивали на холме свои знамена, и каждый раз под холмом выстраивалось десять тысяч всадников... И когда были развернуты все десять знамен, под холмом стояло в полном вооружении сто тысяч всадников.

Демонстрация войск тюркского кагана выглядела убедительно. После парада послы слегка были озабочены, они не ожидали, что у кагана такая большая армия.

Затем каган приказал толмачу:

– Скажи этим посланникам из других стран, и пусть они передадут своим правителям – среди моих воинов нет ни банщиков, ни сапожников, ни портных, они совмещают это в себе все сразу. Они все делают сами. Наше главное оружие – лук и стрелы, искусно владеть которыми мы учимся с детства. Я знаю, что в других странах о нас говорят: «Тюрок выпускает десять стрел, прежде чем араб положит одну стрелу на тетиву, гоня на коне во весь опор назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз. Он скачет на своей лошади, спускаясь с горы, или в долине с большей скоростью, чем араб может скакать по ровной местности. У тюрка четыре глаза – два на лице, два на затылке». Пусть о нас так говорят, пусть нас боятся.

И все-таки послов разбирало любопытство, и они обратились к кагану через министра двора с вопросом:

– Ваше Величество, все-таки скажи, зачем ты сам мастеришь седло?.. Неужели во дворце или в конюшнях нет человека, который мог бы сделать это за тебя?

Каган рассмеялся и ответил:

– Тюрки к такому делу приучены с детства. Они делают все своими руками. Во-первых, мне самому в этом седле сидеть. Это сейчас ты – мой министр, а кем был до этого? Кем был твой отец, как не простым пастухом? Вот ты сможешь смастерить седло, да такое, чтобы оно не уступало по красоте и удобству пекинским седлам? А я могу не только седла делать, но и мечи ковать!

По дороге во дворец Богра-каган поведал послам о том, как изготавливают мечи арабы и как делают их тюрки.

– Арабы, прежде чем изготовить меч, проделывают восемь-девять операций, каждую из которых выполняет особый мастер... Кстати, подобно этому у них происходит изготовление

седла, стрел, колчана, копья и всего оружия... А мы, тюрки, делаем все сами от начала до конца, не просим помощи, не обращается за советом к мастерам. Мы не тревожимся из-за отсрочек или задержек. И не думаем об уплате плохим мастерам вознаграждения за их труд. Мы все делаем сами! А если начнется война, кто, кроме нас самих, защитит наши семьи, наших детей, женщин и стариков? Только мы сами!

Эта поездка за город и парад конницы кагана произвели на послов большое впечатление. Они увидели большую армию, которая обеспечивает мир и покой жителей страны.

С тем послы и уехали, чтобы оповестить весь мир о том, что каган тюрков прост в обращении, не отвык от черной работы, своими руками мастерит себе седла и оружие, да к тому же и весьма образован, знает главную книгу мусульман Коран и содержит большую армию.

В беседах с Жусупом каган говорил: «Мы тюрки – народ, для которого оседлая жизнь, неподвижное состояние, длительное пребывание и нахождение в одном месте, малочисленность передвижений и перемен невыносимы. Сущность нашей жизни основана на движении, мы к покою не приучены.

Пусть расширяется наш город Баласагун, пусть он растет и процветает! Люди в нем занимаются ремеслами, торговлей, медициной, земледелием, посадкой деревьев, строительством, проведением каналов и сбором урожая. Но если надо будет, каждый из нас способен взять копье в руки и отправиться в набег, и не для грабежа, а чтобы защитить свою страну. Чтобы не забывать об этом, в мирное время мы охотимся, занимаемся верховой ездой, учимся хорошо владеть оружием... Нас окружают чужие страны, враждебные народы. Даже из далекой арабской страны прибывают недоброжелатели. Они ищут добычу, хотят завоевать нашу страну. Помыслы пришельцев подчинены лишь этим целям. Поэтому у нас во дворце толпятся послы из многих государств. На самом деле все они лазутчики, не забывай об этом...»

Жусуп в очередной раз удивился мудрости кагана, хотя тому не было и сорока лет. Богра-каган Харун знал свое дело, он продемонстрировал послам мощь и силу своей армии, предупредив их, чтобы правители других стран и не помышляли напасть на его страну.

ГЛАВА ВТОРАЯ

История династии Караханидов

Богра-каган не был первым в династии каганов, правителей государства Караханидов. Вообще-то, название Богра-хан или каган это был титул многих государей из тюркской династии Караханидов в Средней Азии. Их называли также илек-ханы или ель-ханы, ель-каганы. Титул вождя тюрков «каган» носили еще первые тюркские вожди Бумын и Истеми, жившие за пять столетий до Богра-кагана.

Первым в династии был Сатук Богра-хан Абд ал-Керим, который в свое время принял ислам и распространил его в своем государстве. Он назывался Кара-каган. Произошло это в 960 году нашего времени или в 349 году по хиджре, которое начинает свое летоисчисление от года ниспослания Создателем к пророку Мухаммаду Корана. Похоронен первый караханид Сатук Богра-хан в 956 году в местечке Артыш. Его мавзолей стал местом паломничества и поклонения верующих.

Отцом Сатука Богра-хана был верховный каган Караханидов Арслан-Кара-хакан, или Арслан-хан. Он и основал столицу Куз-Орду рядом с городом Баласагуном. Если Арслан (Арыстан) означает «лев», то Богра – это «верблюд». Лев был тотемом рода чигилей, а верблюд – тотемом-хранителем рода ягма. Богра-каган был из рода ягма.

Еще сто лет назад было предусмотрено, что в случае смерти Арслан-хана Богра-хан становился на его место и принимал его титул.

Вторым после Сатука могучим правителем был Богра-хан Харун ибн Муса, не сын, а внук предыдущего великого кагана. Харун ибн Муса известен тем, что первый заво-

евал Мавераннахр, что потом неоднократно проделывали его потомки.

В 990 году из своей столицы Баласагуна Богра-каган совершил поход и появился перед пограничным городом Исфиджабом, так в древности назывался Сайрам, принадлежавший саманидам. Он нигде не натолкнулся на значительное сопротивление. Оказалась, что богачи и аристократы Исфиджаба были враждебно настроены к саманидам, и они сами призвали тюрков, надеясь на освобождение. Продолжая движение, 7 мая – 5 июня 992 года Богра-каган захватил Бухару, столицу государства Саманидов. Однако вскоре тяжело заболел и вынужден был оставить завоеванную страну. Он умер по дороге в Кашгар, в местности Кашкар-баши, недалеко от истока обильной реки Чу. Реку Чу иногда называют рекой Кашкар.

Следующим правителем из династии Богра-каганов стал Мухаммед ибн Юсуф, внук предыдущего. При жизни своего отца Кадыр-хана Юсуфа, правившего в Кашгаре, он носил титул Йаган-тегин. В 1032 году после смерти своего отца и вступления на престол своего старшего брата Арслан-хана Сулеймана получил титул Богра-хана, и ему были пожалованы в удел города Тараз и Исфиджаб. С помощью газневидов он надеялся изгнать своего противника Али-тегина. Однако этот план не удалось осуществить. Его женитьба на Зейнаб, дочери султана Махмуда и сестре султана Масуда, также не состоялась. После того как заключение брачного союза было отложено, Богра-каган завязал сношения с сельджуками и стал врагом как газневидов, так и своего собственного брата Арслан-хана.

Чтобы примирить братьев, Масуд послал имама Абу Садика Тебани, который выехал из Газны в августе 1037 года и провел полтора года в земле тюрков. Иمامу удалось успокоить Богра-кагана и примирить его со своим братом. В эти годы монеты с именем Богра-кагана чеканились в самом Мавераннахре..

В 436 году хиджры или в 1045 г. н.э. Богра-каган с изощренной жестокостью подавил шиитское движение в Мавераннахре.

Богра-каган жил только до 1058 года. Незадолго до своей смерти он изгнал своего брата Арслан-хана и овладел его землями. По слухам, Богра-каган был отравлен собственной женой, которая велела также задушить его старшего брата, находившегося в тюрьме...

Правитель Кашгара Богра-каган, брат предыдущего правителя, приблизил к себе поэта Жусупа. Ему и посвятил Жусуп свою великую поэму «Кутадгу билиг». Полное имя правителя Абу Али ал-Хасан (Харун) ибн Сулейман. Он являлся племянником Мухаммеда ибн Юсуфа. В 1059 – 1075 годах (451 – 467 гг. хиджры) он был соправителем своего другого дяди – Махмуда ибн Юсуфа, носившего титул Тогрул-Карахакан. Затем в течение всего двух месяцев в 1075 году был снова соправителем своего двоюродного брата Омара ибн Махмуда.

Богра-каган Харун в течение шестнадцати лет в качестве соправителя своего дяди Тогрул-Карахакана управлял Кашгаром и Баласагуном. После смерти дяди он станет единоличным государем и будет править еще двадцать девять лет Кашгаром, Хотаном и Баласагуном. Датой его смерти является 1103 год.

На протяжении долгого времени будет идти тайная дипломатическая и явная война Богра-кагана Харуна с сельджукскими султанами, которая завершится в 1089 году (482 г. хиджры), когда Караханиды сложат оружие перед врагом. В тот год каганат Караханидов перестанет существовать, а его народ подчинится султану сельджуков Мелик-шаху.

Такая далекая и непонятная история.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Детские годы Жусупа

Детство Жусуп провел в Кашгаре, там он учился в школе, а потом в медресе.

...Маленькая девочка сидела на камне у берега горной речки и плакала. Двенадцатилетний ученик медресе Жусуп прогуливался вдоль речки, наслаждаясь несколькими свободными минутами после занятий, и вдруг услышал плач. Только что девочка весело прыгала с камня на камень, напевая песенку-загадку на языке кыпчаков:

*Вот летает уголек,
Искры сыплет огонек,
Мажется, как уголек,
Вверх летит и поперек,
Попадет на огонек –
И сгорит наш... мотылек...*

И вдруг она замолчала, а потом тихо заплакала, закрыв лицо руками. Жусуп с тревогой глянул в ее сторону и остолбенел... К девочке ползла большая черная самка тарантула... Ее то, этой большой и черной паучихи, и испугалась маленькая шалунья и теперь плакала, закрыв глаза ладошками от страха, чтобы не видеть этого страшного создания. И хотя девочка стояла на камне, а паучиха находилась от нее в трех шагах, Жусуп спрыгнул с обрыва, пытаясь ногой раздавить тарантула, но промахнулся и упал рядом... От шума его падения самка ядовитого паука постаралась быстрее скрыться и юркнула между камней...

Девочка, увидев, что явился неожиданный спаситель и что опасность миновала, приоткрыла один глаз и посмотрела на Жусупа.

– Ты кто? – спросил мальчик, поднимаясь и отряхивая одежду. – Как тебя зовут?

Девочка отняла от лица обе ладони и, утирая слезы, произнесла: «Я – Шарипа. Папа зовет меня Шара, а мама – Шару. Иногда Шарушка».

– А почему ты здесь одна, на берегу горной речки? Не боишься?

– Мой братец вон в тех зарослях лакомится черемухой... А я тут играла, песни пела... Тут есть камешки разноцветные и в полосочку.

И девочка протянула Жусупу несколько разноцветных круглых камней, и в самом деле очень красивых.

– Возьми! – сказала девочка, дарю тебе на память. Ты спас меня... Я так испугалась...

Жусуп взял неожиданный подарок и спрятал в карман камзола.

Их было семь маленьких цветных камешков речной гальки, которые Жусуп будет хранить всю жизнь, словно бесценную драгоценность.

– Эй, Шарипка, ты с кем это разговариваешь? – послышался резкий и недовольный голос старшего брата девочки?

К ним приближался коренастый, с покрасневшим лицом мальчик в шелковом халате и красивой тюбетейке. Тюбетейка сбилась ему на ухо, и мальчик все время придерживал ее рукой. Рот его был вымазан черемухой...

– Как тебя зовут, смелый мальчик? – спросила Шара.

– Меня зовут Жусуп! – ответил ученик медресе, как будто на уроке вежливости.

– А это мой старший брат Ершик! – стала знакомить их Шара.

Мальчики были примерно одного возраста. Они взяли друг друга за локти и пожали руки, как это было принято у тюрков при знакомстве и приветствии.

Ершик и Шара были детьми правителя Бухары, родственника Богра-кагана, и с тех пор они стали лучшими друзьями Жусупа. Неразлучными его друзьями. В выходной день после утренней молитвы Жусуп спешил к ним домой, чтобы вместе провести время.

– Жусуп, сынок, вставай, в школу пора... – снова мать будила его, прерывая сладкий сон-воспоминание...

Хас Хаджиб Жусуп сидел на своем ложе и не мог понять, в котором часу он проснулся. За окном шуршал теплый летний дождь, в комнате его струился легкий полумрак утреннего рассвета.

Жусуп вспомнил сон, и ему стало грустно. Судьба разлучила его с Шарой, когда ей исполнилось четырнадцать лет. Отец выдал ее замуж за сына сельджукского султана из рода Газневидов, чтобы спасти свой город от очередного набега. Жусупу тогда было уже восемнадцать, и не было с тех пор у него настоящей любви... Для его сердца, для души его, мятущейся и страстной, нужна была только Шара, только она могла взглянуть на него ясными черными глазами, улыбнуться и сказать: «Смелый Жусуп, ты – великий поэт! Не забывай об этом, где бы ты ни был, как бы тебе ни было трудно!»

А Ершик так и остался его настоящим верным другом. Разве могла знать Шара, ставшая теперь ханшей чужого, враждебного им народа, о чем сейчас думал Жусуп, о чем переживал. И почему человек за свою короткую, как рукоять камчи, жизнь не может быть счастливым хотя бы день? Хотя, что такое счастье? Как оно выглядит?

Вот уже десять лет Жусуп пишет поэму о счастье, тайно, глубоко в своем сердце, за семью печатями, за семью азиатскими сундуками, входящими один в другой, запрятав мысль о том, что посвятил он эту поэму своей несбывшейся любви. И там, в последнем, маленьком, миниатюрном сундучке, который, скорее, шкатулка, вырезанная из драгоценного малахита, а не сундучок, спрятал он свою великую любовь... Он так и назвал свою поэму «Кутадгу билиг». Поэма его уже обрела реальные очертания, заполнила сотни страниц рукописи и стала превращаться в большую книгу, которую можно растолковать как «Знания о благодати», «Благое знание». Но истинное ее название, настоящая причина его исследования – счастье человека и пути, которыми его можно достигнуть.

Жусуп писал ее на своем родном тюркском языке, хотя большинство книг, по которым он учился, были на иных языках.

Он знал китайский, арабский, персидский, мог расшифровать и тяжелые фолианты индусов.

В Турфане, крупном торговом и культурном центре того времени, тюркские мастера еще пять веков назад научились изготавливать бумагу, на которой сейчас Жусуп и другие министры двора делали свои записи. Стоила бумага дорого, и разрешение на ее использование давал лично сам каган. Производство бумаги способствовало бурному развитию книжного дела. Книги были разной величины, они писались на протяжении десятилетий переписчиками под диктовку министров...

Еще двести лет тому назад, когда в этих краях властвовали тибетцы, большинство книг писалось на санскрите*, древнем языке индусов, в Турфане, Кашгаре, Баласагуне... На арабском языке люди писали в Бухаре, Самарканде и других городах западнее каганата Караханидов – наследников первого кагана из их рода Кара-хана...

Бумажные книги в твердых обложках из кожи, дерева или материи в Кашгаре начали делать в середине VIII века. Жусуп держал в своих руках имеющийся в библиотеке кагана первый буддийский хинаянский канон на санскрите, который был отпечатан ксилографическим** способом в Турфане...

Когда с запада пришли арабы, а произошло это в восьмом веке, тысячи монахов и монахинь, приверженцев Будды и Тенгри, стекались из всей Азии в Турфан и Кашгар, спасаясь от арабских завоевателей и от их притеснений и гонений. Шли они в Индию и Китай, где, по их сведениям, их ждали в монастырях. К середине VIII столетия беглые монахи наводнили Восточный Туркестан, центром которого был Кашгар. Здесь они находили себе приют вплоть до X столетия, пока территория Центральной Азии не была покорена тюрками-караханидами, предками Богра-кагана. Но даже после завоевания этих областей мусульманами в течение длительного времени ряд монастырей не был закрыт, так как они приносили большой доход новым правителям. От них и остались многие книги, с которыми сейчас работал Жусуп.

*Санскрит – литературный язык древней Индии.

**Ксилографический способ – гравюра, оттиск на дереве.

В эпоху же тибетского господства буддизм в Восточном Туркестане был массовой религией, проникавшей во все сферы общественной и частной жизни. Жусуп читал тибетские тексты IX столетия, называвшиеся длинно и непонятно «Вималапрабхапарипрачче». Это были в основном молитвы и заклинания, дхарани*, описание различных магических приемов, рисунки амулетов, других чудес. Жусупа особенно заинтересовало «Пророчество о стране Ли», рукописи сутр**, составившие три свода «Буддхаватамсаки», «Ратнакуты» и «Махасаннипаты», переведенных с санскрита – самого древнего письменного языка народов Земли. Три века прошло с того времени, когда китайские и тибетские монахи, переводя санскритские тексты на местные языки, пытались их классифицировать, но создать внятное тюркское письмо им не удалось. Видимо, не пришло еще время... В одной из таких древних книг, написанных индусскими брахманами***, однажды Жусуп прочел несколько фраз о происхождении всего земного, в том числе мира, планет, звезд. Там было написано, что мир произошел из колебаний пустоты... Эта мысль, отрицающая сущность бога или божеств вообще, была настолько проста и изящна, что трудно было не понять ее и не поверить в нее... Значит богов, то есть Аллаха, как утверждает ислам, или тюркского Тенгри, или персидского Кудая, более привычных Жусупу и другим жителям Баласагуна, или христианских, буддийских, греческих, латинских, еврейских богов просто нет. Боги – это выдумка человека, фантазии людей о могущественных разумных существах. Тут Жусуп понял, что если он запишет эти свои мысли, или же обнаружит их, рассказав кому-то, он станет еретиком, отступником от веры... Из предосторожности быть не понятым и осужденным, как отступник от столпов религии, Жусуп спрятал эти свои мысли о боге, богах и о происхождении мира и жизни подальше в своей памяти и больше в те индусские книги, наведшие его на крамольные мысли, не заглядывал. Надо подчиняться

*Дхарани – одно из центральных понятий индийской философии и религии.

**Сутра (санскр. букв. – нить) – литературно-религиозное отрывочное высказывание.

***Брахманы – жрецы, придерживающиеся понятий индийской философии и религии – индуизма.

общим правилам, чтобы не навести сумятицу в свою душу, в сознания близких ему людей, чтобы не создать смуту и недовольства во дворце, да и в целой стране.

Жусуп видел перед собой десятки книг других народов, написанных на языке этих народов, и с досадой думал о своих предках, которые не смогли за столетия своей истории создать письменную культуру. Ему попадались в руки списки на пергаменте, бычьей коже, исписанные торопливыми черточками, больше похожими на птичьи следы. Кто-то из мугалимов ему объяснял, что эти записи сделаны кыпчаками, и что подобное письмо было в пользовании у людей почти пятьсот лет тому назад, когда тюрки воевали с Цинской империей за свою независимость. Над могилами батыров сооружались надгробья, рядом с которыми воздвигали каменные стелы. На некоторых из них и писали таким письмом, похожим на клинья и черточки.

Это и было первое тюркское письмо, первые тексты наших предков, в которых были описаны подвиги каганов и батыров.

Пройдет еще почти тысяча лет, прежде чем просвещенные историки и лингвисты доберутся до этих каменных памятников тюркской письменности и смогут расшифровать их и перевести, приобщив к достоянию мировой культуры, объяснив эти древние тексты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Наследники Аррасиаба

Бднажды министр двора Жусуп вошел в приемную правителя и сообщил:
– По Вашему повелению прибыл сокольничий Жагы Кор Тургы.

Сокольничий, то есть служащий двора, который отвечал за содержание ценных охотничьих птиц – соколов и орлов. Содержать соколов, воспитывать их годами, готовя к царской охоте – это весьма трудная, сложная и ответственная работа. Но кроме охоты на сокольничего были возложены обязанности по наблюдению за противником, за лазутчиками из соседних государств, самыми опасными из которых были люди из семейства Газневидов, потомков султана Махмуда. Их столицей был город Газни, который во времена их деда, знаменитого султана Махмуда, сильно разбогател.

– Ваше Величество, я только что получил важные новости из Семизкента! – начал свою речь Жабгы Кор Тургы, преданный кагану человек.

Каган повернулся в его сторону, уделяя этому сообщению все свое внимание.

Более года назад Кор Тургы было поручено внимательно следить за внутренними делами в Семизкенте, граничившим со страной Газневидов. Семизкентом люди называли древний Самарканд, крупный культурный и экономический центр, в котором всегда скапливалось множество людей и который напрямую или косвенно влиял на жизнь и торговлю во всем крае.

– Наследники султана Махмуда не собираются отказываться от своих намерений. Внешне они сохраняют спокойствие, ничем не показывают своих планов, а на самом деле затевают что-то недоброе.

– Мы знали о том, что они не передумают. Если бы они отказались от своих намерений, то нарушили бы завет предков, своих отцов и дедов! Разве станет разумный человек говорить безумные слова?

– Городские жители разделились на сорок групп, сорок народов. Среди них появились такие, которые начинают сочувствовать Газневидам, пытаются поддержать их... Базары полны слухов и предположений. Султан Махмуд поклялся вернуть себе город Семизкент. От этой мысли он не откажется с легкостью.

– Хорошо... А какова твоя главная новость?

– Эмир Семизкента за последние десять-пятнадцать дней отправил два больших каравана. Два больших торговых каравана. Один за другим. В обоих караванах караванбаши из согдийцев. Среди товаров имеется драгоценный шелк. Есть и золото.

Каган весьма пристально посмотрел на своего осведомителя. И эмир Семизкента, и известные беки этого города совсем недавно тут на ковре кланялись ему в ноги и клялись в верности.

– Ваше Величество! Внешне это обычные торговые караваны. Но меня беспокоит мысль, с чем эти караваны возвратятся, с каким товаром? В обоих караванах есть наши лазутчики, они оповещают обо всем.

Голос кагана стал тверже, жестче.

– Пусть будет так... – произнес он и решил не затягивать разговор. – Здесь надо хорошо подумать и быстро принять решение. В Семизкент и Озкент направь побольше кочевых тюрок. Пусть освоятся там, торгуют, работают, нанимают людей на работы, руководят. Караваны, приходящие из Китая, пусть не минуют Озкент и Семизкент. Усиль охрану караванов с шелком. С сегодняшнего дня ни один караван не должен выходить за пределы страны без особого на то разрешения.

– Озкент ведь наш город, Ваше Величество.

– Пусть он не остается в стороне. Здесь наследие великого Афрасиаба! Надо внушить это согдийцам и персам... В этом городе все от малого ребенка до сгорбленного от тяжести лет старика – тюрки!.. Озкент прочнее Бухары и Семизкента, и стены его крепче, в самые трудные годы он служил убежищем для тюрок. И теперь он не должен оставаться в стороне. Это наш родной город, вокруг него только наша земля, пусть все знают об этом!

Пока еще не доходило до военных столкновений, но война с газневидами назревала. Люди так устроены, что даже в быту иной раз ссорятся соседи. А тут два родственника народа, которые тоже не могут ужиться, борются за влияние во всем Мавераннахре.

Жусуп, став невольным свидетелем разговора кагана и его главного осведомителя, вспомнил, как Кадыр-хан, отец нынешнего кагана, дружил с отцом султанов-газневидов правителем Махмудом. Давно это было.

В тот год султан Махмуд переправился через Амударью, устроив на реке мост из судов, связанных между собой цепями. Из владетелей Мавераннахра первым присоединился к Махмуду давний его союзник саганианский эмир, потом хорезмшах Алтынташ. Махмуд разбил лагерь для своего многочисленного войска, а для самого себя велел приготовить огромный шатер, в котором помещалось до десяти тысяч всадников... Такой сказочно огромный шатер был возведен на удивление всем!..

В то же время со стороны Кашгара вступил в Мавераннахр каган Кадыр-хан, отец Богра-кагана. Он дошел до Самарканда и расположил ставку неподалеку от войска султана Махмуда. Разбили шатры. Кадыр-хан отправил послов, известил султана Махмуда о своем прибытии и выразил желание увидеться с ним.

Жусуп как сейчас помнит события, которые чуть позднее описал в своей книге «Зейн ал-ахбар» («Украшение известий») персидский писатель и историк Гардизи. К сожалению, лично с ним Жусупу встретиться не удалось, хотя жили они в одно время и были ровесниками. Зато книгу его прочесть удалось.

Автор красочно повествует об этом свидании двух правителей, состоявшемся к югу от Самарканда.

«В ответ на посольство Кадыр-хана, – пишет персидский коллега Жусупа, – Махмуд назначил место для свидания. Оба государя, одинаково могущественные, прибыли туда с несколькими всадниками. Завидев друг друга, оба сошли с коней; эмир Махмуд еще прежде отдал казначею драгоценный камень, завернутый в платок. Сейчас он велел вручить

его Кадыр-хану. Кадыр-хан также принес с собой драгоценный камень, но вследствие овладевшего им смущения забыл о нем. Расставшись с Махмудом, он вспомнил о камне, послал его через одного из своих приближенных, попросил извинения и вернулся в свой лагерь. На другой день эмир Махмуд Газневи велел разбить большой шатер из вышитой парчи и приготовить все для угощения, после этого он через посла пригласил к себе в гости Кадыр-хана. Когда пришел Кадыр-хан, Махмуд велел более пышно украсить стол. Эмир Махмуд и хан сидели за одним столом. После обеда они перешли в «зал веселия». Этот зал был великолепно обставлен редкими цветами, нежными плодами, драгоценными камнями, вышитыми золотом тканями, хрусталем, прекрасными зеркалами и разными редкими вещами, так что Кадыр-хан, правитель степняков, воинов и всадников, не привыкший к такой откровенной и пышной роскоши, не мог оправиться от смущения. Некоторое время они сидели молча. Кадыр-хан не пил вино, так как у царей в Мавераннахре нет обычая пить вино, особенно у тюрков. Некоторое время они слушали музыку. Потом Кадыр-хан встал, чтобы уйти, но эмир Махмуд велел преподнести достойные его чести подарки, именно: золотые и серебряные кубки, драгоценные камни, редкости из Багдада, хорошие ткани, драгоценное оружие, ценных коней с золотыми уздечками, мулов из Барды с золоченой сбруей, носилки для езды на верблюдах, с поясами с золотыми и серебряными палочками и колокольчиками, дорогие ковры, индийские мечи, шкуры берберских тигров, охотничьих собак, соколов, орлов, приученных к охоте на журавлей, антилоп и другую дичь. Он отпустил Кадыр-хана, оказав ему почет и милости, и извинился перед ним за «недостаточность угощений и подарков».

Вернувшись в свой лагерь и осмотрев все эти редкости, драгоценности, оружие и богатства, Кадыр-хан пришел в изумление и не знал, чем ему отплатить за это. Потом он велел казначею сделать ответные дары эмиру Махмуду, а именно: хороших коней с золотой сбруей, тюркских рабов с золотыми поясами и колчанами, соколов и кречетов, меха соболей, белок, горностаев, черных лисиц и ласок, китайской парчи

и тому подобное. Оба государя расстались вполне довольные друг другом, в мире и дружбе».

Таковы были когда-то отношения между двумя правителями-тюрьками.

Результатом этой встречи было решение отобрать у Али-тегина Мавераннахр и передать его Йаган-тегину, второму сыну Кадыр-хана, который должен был жениться на дочери Махмуда Зейнаб.

Кадыр-хан обязался выдать свою дочь за эмира Мухаммеда, второго сына Махмуда, отец которого, недовольный своим старшим сыном Масудом, хотел объявить его наследником престола.

Али-тегин покинул Самарканд и Бухару и бежал в степь к своим союзникам огузам-сельджукам, кочевавшим на правом берегу Зеравшана в районе Нур-Ата, где в это время находились внуки Сельджука: Исраил, Тогрул и Давуд. Его обоз был настигнут Бильге-тегином, хаджибом Махмуда, при этом были взяты в плен жена и дочери Али-тегина, правителя Бухары, а сам Али-тегин бежал. Султан Махмуд Газневи отдал приказ идти на Сельджукидов и разбить их.

Во время битвы удалось взять в плен Исраила, сына ненавистного Али-тегина, который в качестве заложника и пленника был отправлен в одну из индийских крепостей, где вскоре и умер.

Совсем изгнать Али-тегина однако не удалось, да впрочем, это и не входило в подлинные намерения султана Махмуда Газневи. Он хотел ослабить Али-тегина, но видеть на его месте сына Кадыр-хана ему не хотелось, это не сулило ничего иного, кроме новых столкновений на берегу Сырдарьи. Во всяком случае, Али-тегин остался правителем Бухары и Самарканда.

В 1034 г. умер Али-тегин. От него остались два сына – неопытные юнцы, и хотя преемником Али-тегина стал сын Юсуф, фактически власть перешла в руки брата отца, который враждовал с сельджуками-огузами.

В 1035 г. новые мавераннахрские правители организовали поход на соседние территории Газневидов. Их отряды, разграбив Саганиан, вернулись в Самарканд. Великий хан Юсуф Кадыр-хан умер в 1032 г. Его преемником стал его старший сын

Абу-Шуджа Сулейман с титулом Арслан-хан. Новый глава династии Караханидов старался вести мирную политику. Земля Караханидского каганата, как и в прежние времена, в соответствии с тюркскими законами делилась на две части: Восточный каганат и Западный каганат. Западный каганат подчинялся Восточному. Восточным каганатом управлял Арслан-хан. А Западным – Богра-хан.

В 1042 г. после дворцовых интриг Караханидский каганат разделился на два самостоятельных каганата со своими отдельными столицами и параллельной властью.

Земли, входившие в государство восточных караханидов: Йеди-Су, Чу, Талас-хун, Фергана и Чингарская степь до реки Иртыш, на востоке до озера Теклемек.

Этот же Восточный каганат, в свою очередь, в соответствии с тюркским законом управления государством вновь разделился на восточную и западную часть. Восточной частью управлял с титулом Арслан-хан старший сын Кадыр-хана Сулейман ибн Юсуф. Его столицей был Баласагун. Управлять западной частью стал Мухаммед ибн Юсуф с титулом хан. Его столицей сначала был город Талас, а затем Кашгар. Оба они были сыновьями Юсуфа Кадыр-хана, который дружил с Махмудом Газневи...

В то же время брат Юсуфа Кадыр-хана ал-Малик Тонга-хан объявил себя правителем Узгенда. Сулейман ибн Юсуф против этого ничего не мог поделать и подчинился сложившейся ситуации.

Западный Караханидский каганат так же, как и Восточный, разделился на восточную и западную части. Восточной частью управлял Ибрагим ибн Наср с титулом Арслан-хан, его столицей был Самарканд. Управление западной частью взял на себя Мухаммад Наср с титулом Богра-хан. Ее столицей стала Бухара. Оба они были сыновьями ибн Али, завоевателя Мавераннахра.

После того как Жабгы Кор Тургы ушел, каган долго беседовал с Жусупом. Жусуп рассказал об ученом и поэте Махмуте сыне Кусаина родом из Кашгара, который сейчас находился в Багдаде, во владениях Газневидов. Поэт Махмут писал на тюркском языке, иной раз люди на рынках распевали его песни, мелодичные и красивые...

Надо было разыскать Махмута, устранить риск и опасность для его жизни... Каган заботился о своих ученых и поэтах.

Приказ, который получил Жусуп из уст кагана, начинался, как и предыдущий, словами о наследии Афрасиаба, но завершился несколько иначе.

Все знали, что каган думает одновременно о десяти вещах, а слов его бывает восемь...

– Махмут сын Кусаина сейчас живет в Багдаде. Прошло много времени, как он не появлялся в Барсхане, Аргу, Куз-Орде. Он обошел многие места, собирая тюркские слова. В своих путешествиях доходил он до Алтая (Золотых гор), до Алтынхана и Отюкена... В холодное время года находился на зимовке, лето проводил на джайляу. И вот теперь оказался в Багдаде. Отправь к нему специального человека, пусть тут же прибудет на родину.

Здесь каган прервал свою речь и задумался... Люди знали, что монарх тюрков был просвещенным человеком, и если возникали серьезные вопросы, прежде чем принять решение, советовался с Махмутом и Жусупом, для чего вызывал их к себе в столицу, где бы они ни находились. С ними, людьми независимыми во мнениях, он мог разговаривать открыто.

– Единая земля тюрков, – сказал каган, – напротив нас, справа и слева от нас живут тюрки, везде тюркская земля. Это наследие Афрасиаба. Мы все наследники Афрасиаба!.. Все! Там, где ступала нога Великого Ер Тонги, вся эта земля со всеми людьми и животными находится в подчинении у его потомков. Согдийцы, персы, кыпчаки, огузы и другие народы...

Жусуп внимательно слушал слова кагана. Похоже, что каган принял какое-то решение. Поэтому предводитель и говорил столь решительно и резко, открыто, повелительно, чтобы собеседникам были понятны его намерения, об этом служители дворца знали издавна. Эти слова его были лишь началом мыслей о том, что необходимо объединить все тюркские земли и все тюркские народы под одним знаменем.

А каган продолжал говорить:

– Все это собственность потомков Афрасиаба! Знаменитый на весь мир царь гуннов Аттила при жизни с гордостью говорил: «Я – сын Афрасиаба!» Все мусульмане, кто бы они ни бы-

ли, принадлежат к дому Афрасиаба! До жителей Семизкента, Бухары надо донести эту мысль. Немедленно отправляйся в Семизкент. Собери всех аксакалов тюрок. Войди с молитвами в мечети. Пусть все сорок родственных народов соберутся вокруг наследников Афрасиаба. Разве правильно, когда вышедшие из одного гнезда люди одного рода-племени враждуют друг с другом? Пусть все это поймут!

– Мой повелитель!

– Говори...

– Но ведь приходящие из дальних и очень дальних мест люди тоже мусульмане. Наследники султана Махмуда тоже стоят под зеленым знаменем ислама.

– Так оно и есть... Тюрки тоже мусульмане. И разве могут одни мусульмане вредить другим мусульманам?

Лишь теперь министр двора понял потаенный смысл слов кагана. Он сложил обе руки вместе и поклонился повелителю. Тем самым он показал, что готов выполнить приказ кагана и для скорейшего исполнения его должен удалиться.

– Запомни, – сказал каган на прощание, строго покачивая указательным пальцем, – у себя дома, на улице, в чужой земле, где бы ты ни был, помни о родных местах, помни, что мы дети Тенгри, восхваляй лишь своих батыров и великанов, отдавай почести лишь своим героям! Тогда и ты станешь героем для своего народа, и народ тогда станет твоим! Тогда и душа народа станет единой.

Этот разговор стал большим откровением для Жусупа. Он понял, каким образом в голове его правителя уживаются две веры... Одна – в древнего бога Неба Тенгри, в которого тысячелетиями веровали тюрки. И другая – вера в Аллаха и пророка его Мухаммада, пришедшая вместе с воинственными арабами. Одна вера накладывалась на другую, точнее, одна вера пряталась внутри другой, подобно тому, как сундуки прячутся один в другом. В большом сундуке может находиться средний, в среднем прячется маленький, в маленьком еще меньший...

Но в вопросах веры, как и в философии, до конца не дойти, так велик и не постижим Создатель!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Легенда о серебряном бассейне

В давние времена у правителя – кагана по имени Шу был серебряный бассейн – другое ему название у тюркских народов хауыз – водоем. Шу-каган был батыром, владевшим большими землями и многочисленным народом. На удивление всем, его хауыз был сделан из чистого серебра, и когда каган отправлялся в дальние походы, он забирал бассейн с собой. В походе, чтобы избавиться от усталости, он приказывал наполнить бассейн водой и купался с наслаждением. Во время купания он расслаблялся и обдумывал свои дальнейшие планы. Полон сил выходил он на битву и побеждал врагов. А когда возвращался на родину в Таласскую долину, серебряный хауыз водружали на его законное место, и он там сверкал во всем своем великолепии, привлекая водной гладью и красотой райских птиц – лебедей... Да и другие птицы со всех концов земли слетались к этому искусственному водоему, купались в его целительных водах, шумели, размахивая серебряными крыльями. Перелетные птицы с наступлением осени поднимались высоко в небо, делали несколько кругов вокруг дворца кагана Шу и не могли улететь, притягиваемые волшебной силой искусственного озера. Так они и оставались зимовать в этой местности. Люди так и говорили, что это волшебная сила батыра Шу, а земля, на которой стояла его Орда и рукотворное озеро, – священные, святые. Цезарь – император Рима, индусский райис, соревнуясь с перелетными птицами, шах Персии и другие правители издалека приезжали к Шу-кагану, чтобы полюбоваться его серебряным озером, и уезжали, в восхищении качая головами. Было это в очень давние времена, во времена древнее времен Искандера Двурогого. Шу был великим каганом... Где теперь его искусственное озеро? Где то серебро?

В те времена не было Баласагуна. Не было и Куз-Орды. Не было тогда и богатого сейчас красивейшего Исфиджаба, не были возведены стены и Шаша. Да, тогда был город Шу, в котором правил каган, носивший это имя. Сейчас вокруг Баласагуна стоят Барсхан, Тараз, Семизкент, Бухара, немного дальше – Хорезм. А куда удалился Шу-каган? Улетел, как птицы? Это загадка истории.

Во дворце Богра-кагана есть огромный водоем со стенами из почерневшего от времени металла... Это ли рукотворное озеро Шу-кагана? Сколько же серебра, драгоценного металла ушло на его сотворение?

Жусуп вспомнил свою первую встречу с Богра-каганом, когда тот, прознав о его выдающихся способностях сочинителя и больших знаниях, разыскал его и вызвал к себе во дворец из Кашгара, где тогда проживал Жусуп в доме матери. Встреча происходила на берегу озера, на мраморных ступенях перед сверкающей под солнцем водной гладью.

– Где ты живешь? В Багдаде или Кашгаре? – спросил каган, сидевший на небольшом троне, поставленном на ковры перед бассейном. Каган только что искупался и был одет в легкий шелковый халат, переливавшийся всеми цветами радуги.

– Вся моя жизнь прошла на берегу реки Шу. В Багдаде я бываю иногда, езжу туда читать книги в библиотеках города...

Жусуп не назвал привычные для тюркского уха Баласагун, Барсхан и Куз-Орду. Он сказал «Шу». Каган внимательно взгляделся в лицо ученого и поэта. «На берегу Шу...» Кагану вспомнились легенда о Шу-кагане, а также строки великой поэмы, посвященной ему. Поэма так и называлась «Шу-каган»? Или «Шу-батыр»? Каган вспомнил все это, но не сказал ни слова.

– В Багдаде сходятся девять дорог, – произнес он задумчиво. – Кто ищет знания, совершенствуется в искусствах, желает разбогатеть – все стремятся попасть туда. Да, там много библиотек. О тебе я узнал от людей. Это ты написал: «Драгоценный жемчуг знаний мира этого...»?

– Да, Ваше Величество, это мои стихи.

– И что же является жемчугом знаний этого мира? В чем благость знания?

– Жемчуг знаний – учеба, Ваше Величество. А благость знания зависит от того, к какому благу готов человек.

– А разве учеба не зависит от воспитания?

– С детских лет надо учиться, и в старости надо учиться. И гению, и простому человеку, и хану надо учиться. Для желающего понять этот мир знания могут дать очень многое. То, что иногда понял маленький ребенок, бывает непостижимым для взрослого человека. Или он не хочет это понять. Ребенок может быть гением, поскольку сама жизнь гениальна. В каждом есть великий смысл.

При этих словах великий каган воззрелся на ученого, поскольку такую мудрость он услышал впервые и такого пронзительного человека встретил впервые.

– И каков великий смысл во мне?

– Вы станете для тюркского народа или великим благом, или великим бедствием.

Каган очень удивился таким словам. Никто из приближенных не был с ним так смел и откровенен.

– Драгоценный жемчуг знаний мира этого...

– Я переплел свои стихи в книгу и оставил в одной из библиотек Багдада, великий каган. Таков обычай в этом городе. Знания должны переходить от человека к человеку. Переписчики сделали несколько копий. По одной из них вы, вероятно, и знаете мои стихи. Я захватил с собой вот такой рисунок, Ваше Величество, прошу обратить внимание.

Жусуп развернул бумажный планшет, с которым пришел во дворец великого кагана. В его руках оказался большой пергаментный листок, испещренный различными надписями, исчерченный вдоль и поперек. Пергамент был мягкий, легкий, но прочный, плотный. Поэт подал пергамент кагану.

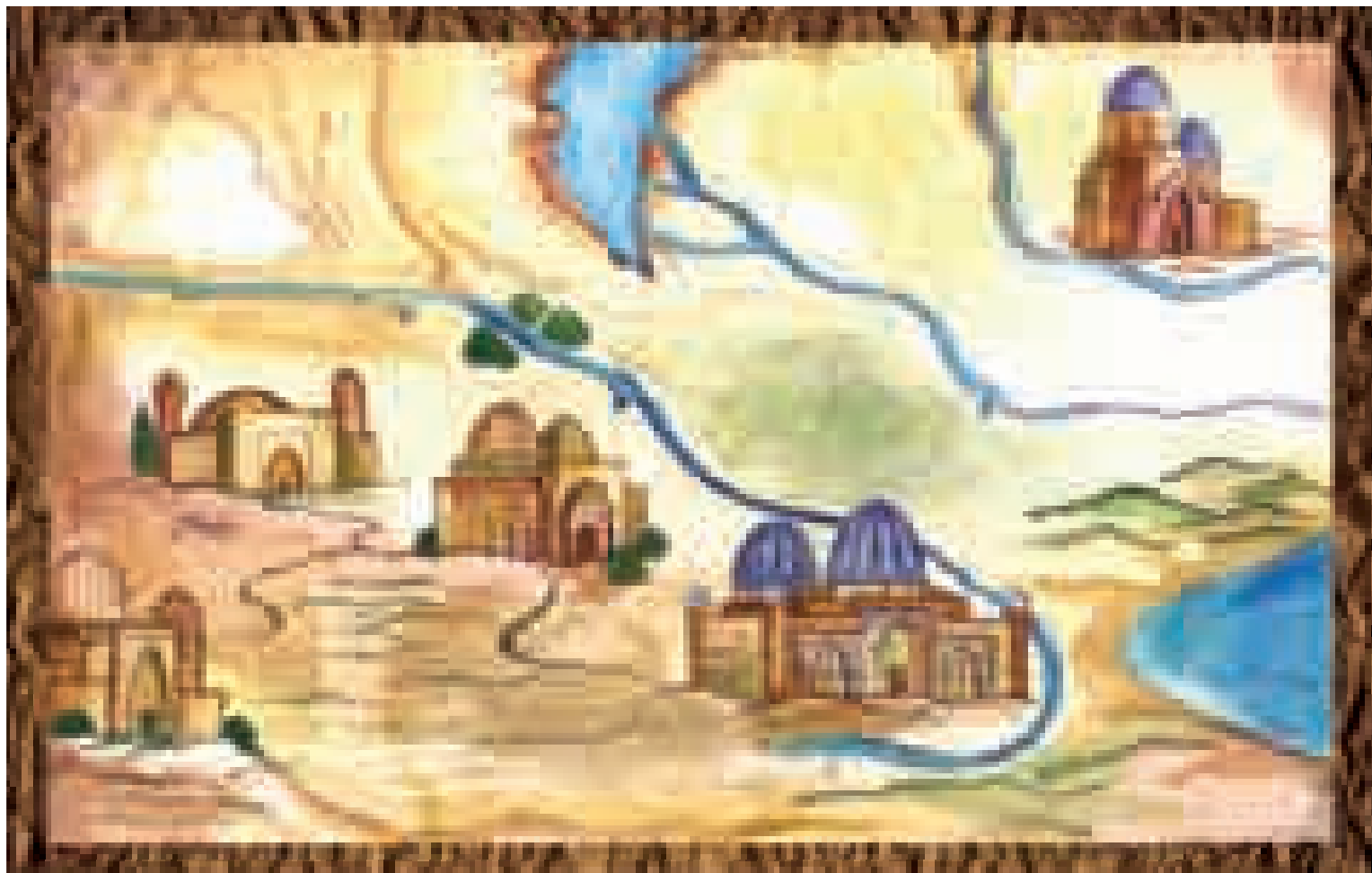
Каган некоторое время изучал лист, лежавший на столике перед его креслом, а потом с удивлением спросил:

– Что это?

– Это карта! Карта наших земель, сделанная одним очень умным человеком по имени Махмут – сыном Кусаина из рода барсхан. Его имя написано вот здесь, в углу. Я видел в Багдаде много таких карт. На них изображены чертежи других стран.

Каган только теперь разглядел, что на листе желтого пергамента написаны названия городов, рек, озер, возвышенностей.

Вот великая река Или... Надписи были сделаны на тюркском языке. Вот Иртыш. Или и Иртыш! Вот озеро Теренкол... А за пределами круга, обозначающего озеро, надпись: «Ба-ла-са-гун». Каган забыл о том, что рядом с ним стоит Жусуп и изнывает от июньской жары... Внезапно он поднялся с места, потом снова сел. Вот еще один кружок, и рядом с ним надпись: «Истыкколь». Рядом с ним Барсхан. Вот река Шу... Города Тараз, Исфиджаб, Шаш, Иафынш, Екиогуз. Далее в сторону от этих городов – Абысгун, Тебирстан, Хорасан, Самарканд, Хорезм...

Кто бы ни был человек, сделавший этот чертеж, он из этой местности. Каган повеселел.

– Ты встречался с этим Махмутом, сыном Кусаина?

– Нет. Сейчас он живет в Багдаде. Долгое время жил в Кашгаре. Поэт. На язык очень остер. Воевал в одной из армий вашего дядюшки против сельджуков султана Махмуда. Путешественник. Происходит из семьи военачальника. Я не смог с ним встретиться, а в одной из библиотек перерисовал его карту...

Каган еще раз внимательно посмотрел на Жусупа и сказал:

– Пусть карта останется у меня...

Жусуп поклонился в знак согласия.

– Ты понял, для чего я разыскал тебя?

– Еще нет, Ваше Величество!

– Ты должен написать книгу о том, как надо управлять государством...

На этот раз удивился Жусуп. Он поклонился еще раз, чтобы не показать своего замешательства. Зачем правителю книга о том, как надо управлять страной и народом? Он ведь и так прекрасно с этим справляется?

– Ты удивлен? – продолжил каган, улыбаясь. – Я вижу, что ты тот человек, который мне нужен. Будешь служить у меня во дворце сначала переписчиком книг, потом... посмотрим. Написанное будешь показывать мне... У меня и у моих братьев многочисленные наследники, которые не знают, кто они и чем будут заниматься, достигнув взрослости. Проводят дни в праздности, даже учиться не хотят. Ты напишешь книгу о воспитании детей великого кагана и для наследников великого кагана... Для тех, кто будет после нас.

Каган поднялся, показывая, что беседа окончена.

Жусуп поклонился и направился к выходу.

Такова была его первая встреча с Богра-каганом десять лет тому назад. Много воды утекло с тех пор, а книга только сейчас миновала свой полдень... До ее завершения было еще далеко...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Начало книги

С того дня и жил Жусуп в Баласагуне, который иногда сами тюрки называли Куз-Орда (осенняя столица). Много десятилетий тому назад в этой местности, богатой травой и водой, находилась осенняя стоянка тюркских вождей. Весной здесь на полях сеяли пшеницу, чтобы осенью, когда они возвращались, собрать урожай и зимой сытно жить до самой весны. Климат здесь был теплый, временами даже жаркий. После того как аул разросся и превратился в город, тюрки так и называли его Куз-Ордой, хотя некоторые роды и располагались со своими стадами весной и осенью недалеко от города.

Жусуп долго размышлял, прежде чем назвал книгу «Кутадгу билиг» – «Книга о счастье».

Кут – старейшее тюркское слово, у него древние мифологические корни. Согласно древним тюркским мифам, в самом центре Земли стоит мировая гора или Хан Тенгри. Она находится на севере от Куз-Орды в тысяче километров... На ней, по тюркскому преданию, живут боги и души наших умерших предков. На вершине горы есть молочное озеро. Центр горы есть средоточие Земли и Неба. Из него растет огромный тополь – Байтерек с золотыми ветвями и широкими листьями. Верхушка Байтерека находится в Верхнем мире, где обитает сам Тенгри в Золотом Дворце.

На горе Хан Тенгри живет дух земли и воды – Жер-Су, он главный из духов. На восток от молочного озера расположено озеро с красной водой, но его невозможно увидеть обыкновенным зрением. В этом озере обитает Кер Балык – хозяин морских животных. Внутри у него находятся души-зародыши «кут» (скота) и «юла» (детей). По необходимости Кер Балык передает их духу Жер-Су, который перепоручает их Жайыку, посреднику между людьми и духами. Жайык – духнебожитель, но чаще он живет на земле, среди людей. Тенгри

послал его охранять человека от напастей. Жайык отдает души-зародыши богине От-Ана (Матери-огню), после чего рождаются люди и животные. Поэтому тюркские женщины молятся Матери-огню, чтобы она сберегала жизни детей и охраняла семьи от несчастий.

Жусуп знал эти предания и теперь с любовью вспоминал те, которые когда-то ему маленькому рассказывала перед сном мать.

Голос матери тихий, добрый, убаюкивающий он не забудет никогда, жаль, что не все истории он запомнил. Некоторые из сказаний и легенд он прочел в книгах, но многое из того, что знал Жусуп, он так и не нашел. То, что помнил, Жусуп решил отразить в своих книгах, в том числе и в большой книге о счастье, которую ему поручил написать Богракаган.

И теперь он вспоминал ласковый голос матери, которая однажды поведала ему, как устроен мир, человек в этом мире и что такое душа человека.

«Человек состоит из тела и души, – говорила ему мать. – Душа человека наделена четырьмя свойствами, необходимыми для жизни. Свойства эти – кут, юла, тын и сур. Кут – это зародыш, от которого начинается бытие человека, а также его жизненная сила. Вверху, на небе, существует девять небесных сфер, и на девятой сфере у дворца Тенгри и его сыновей растет священная береза, на ветвях которой, словно листья, висят эти самые зародыши – «кут» – жизненная сила человека.

Когда наступит время кому-то родиться, по воле Тенгри зародыши-кут, словно листочки, падают со священной березы и попадают в дома через дымоходы. При этом Тенгри определяет будущую судьбу человека.

Вместе с кутом на Землю является и сама богиня Умай, которая охраняет его даже во чреве матери. При родах она помогает ребенку явиться на свет, вступает в борьбу со злым духом, посланцем Эрклика, который препятствует рождению и тянет ребенка к себе.

Богиня Умай не только охраняет ребенка, но и ухаживает за ним, моет ему личико, прочищает ресницы. Она развлекает, воспитывает его, разговаривает с ним по-своему.

Они хорошо понимают друг друга. Умай находится около ребенка, пока он не начнет ходить, бегать, понимать речь. После этого общение ребенка с Умай прекращается, и он растет самостоятельно».

– Мама, а ведь это ты – богиня Умай! – воскликнул в этом месте Жусуп.

– Ту, несносный ребенок, я думала, что ты уже спишь, поэтому рассказывала тебе разные небылицы! – мать сделала вид, что огорчилась. – Какая я тебе богиня, я обыкновенная женщина. Я – твоя мама!

– Рассказывай дальше! – взмолился Жусуп.

– Ну, хорошо. Так вот, слушай, а еще лучше спи, ты сегодня много бегал с мальчишками, устал ведь.

– Рассказывай, мама, прошу тебя!

– *Да что тут рассказывать, сказки все это. Моя бабушка Зайда была очень мудрая женщина, она все знала о богах и богинях, о том, как устроен мир. Я пересказываю тебе то, что она мне когда-то рассказала. Кут – счастье человека, его судьба. Человек и животные ходят по земле, а растения живут в почве. Они не передвигаются. Но и у них есть свой кут. Жизненная сила помогает им расти. Жизнь растений бессмертна и непрерывна, потому что корни остаются в земле, и растение вечно может поддерживать свое бытие самостоятельно. Но и растения все чувствуют. Не следует без надобности рубить деревья и рвать траву, чтобы не причинить им боль. Этой способности лишены камни.*

– Значит, камни не живые? Но я видел, как деревья растут на камнях...

– Ты еще не спишь? Спи, про жизнь камней я расскажу тебе позднее...

Жусуп посмотрел на разноцветные камешки, подаренные ему девочкой Шарипой... Камни тоже живые... Вот эти до сих пор хранят тепло ее рук...

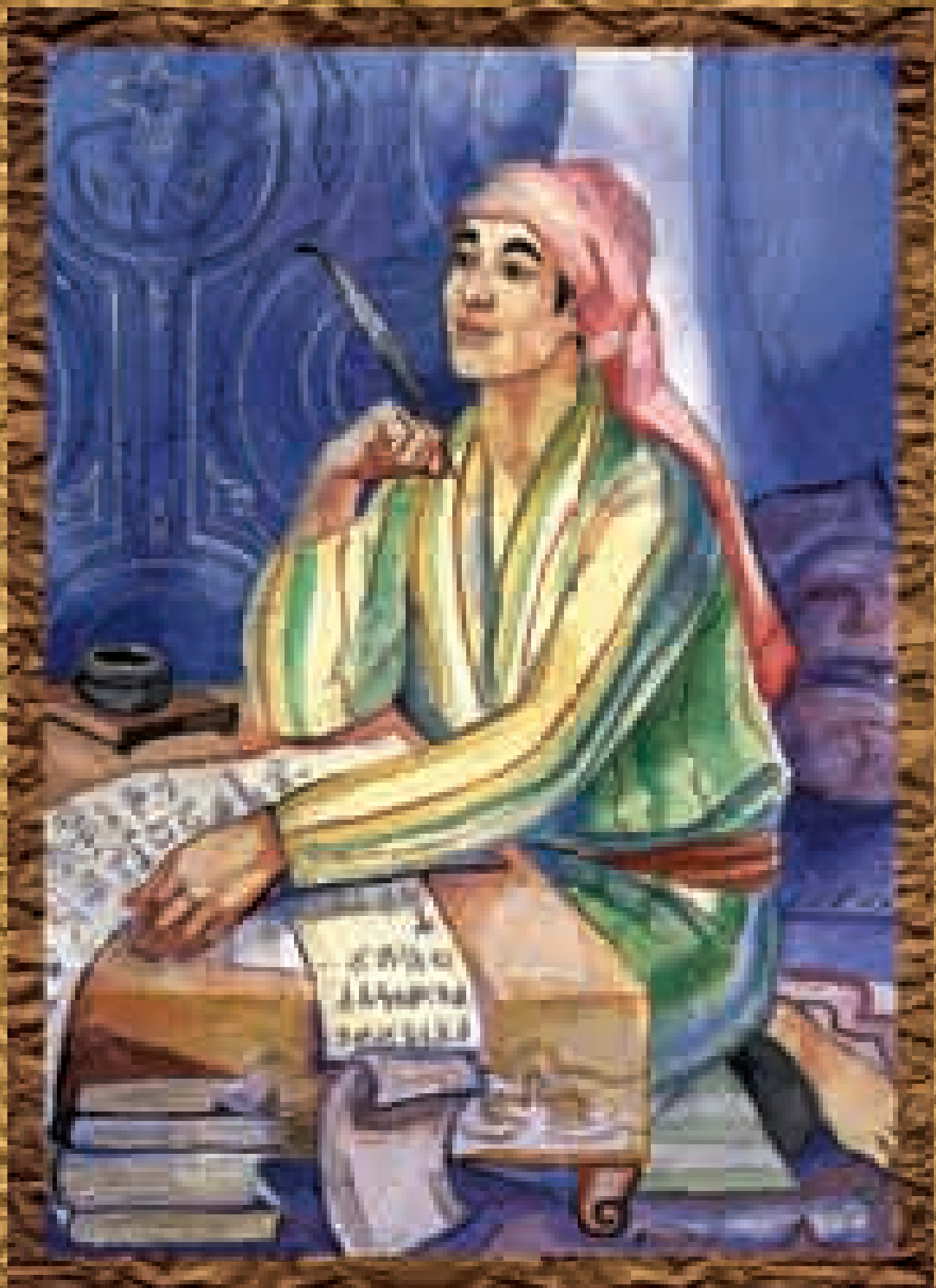
Наверное, никто в тюркских странах не задумывался о том, а в каком соотношении сойдутся две великие религии, древняя вера тюрков в бога Неба Тенгри и мусульманская религия – вера в Аллаха и пророка его на земле Мухаммада.

И тот, и другой выбрали своим обиталищем Небо, невольно наводя на мысль о том, что бог един. Но получалось, что бог-то на Небе один, а у каждого народа был свой бог... У индусов так вообще несколько главных богов, обитающих на Небе. От разногласия в книге, которую писал Жусуп, помог преодолеть язык тюрков, универсальный, гибкий, многозначный. В зависимости от содержания текста Жусуп стал употреблять имена Аллаха и пророка его Мухаммада, но там, где привычнее было назвать бога Тенгри, он так и писал: Тенгри – создатель всего сущего, всей вселенной, планет и мира. А там, где ему нужно было, Жусуп вписывал имя персидского бога Кудая... И получалось трехименное название одного и того же бога Неба, которое звучало в тюркской речи примерно так: «Да благословит тебя Тенгри! Да даст тебе счастье и благополучие Аллах! Да сохранит тебя Кудай от всех бед и напастей». И никто из читателей книги Жусупа против такого трехименного упоминания богов трех разных религий не возражал, что для Жусупа стало удивительным, можно сказать, явилось для него откровением.

«Не признаки ли это язычества и ереси», – с опаскою думал про себя Жусуп, но тут же одергивал сам себя за столь крамольные мысли. Да и зачем ему, достигшему солидного возраста министру двора, в котором все сильнее, все очевиднее проявлялись мусульманские обычаи и порядки, даже задумываться над этим? Молись богу, не задумываясь, какому из них молишься, лишь бы человек вел себя праведно, не грешил, не вредил другим.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Первые строки «Книги о счастье»

пособностью писать, сочинять стихи или прозу наделены не все люди на Земле. Лишь одаренные особым талантом сочинителя, трудолюбивые, не ленящиеся постигать и усваивать новые знания. Жусуп долго вынашивал мысль о новой книге, понимая ее важность. И однажды ночью сами собой родились долгожданные стихи:

И создал человека бог единый...

– торопливо записал Жусуп, боясь забыть строчки, пришедшие к нему как озарение.

*И создал человека бог единый
Из воздуха, воды, огня и глины.
Бог человеку зренье дал и руки,
Дал ум для постижения науки.
Создатель наш дал человеку слово,
Чтоб он вершиной стал всего земного.
И разум дал, чтоб постигать нам знанья,
Чтобы благие совершать деянья.
Бог дал нам совесть, дал нам стыд, и все ж
Зло укрепилось в нас, вселилась ложь.
Какой избрать нам путь – от нас зависит.
Достойным будь, Аллах тебя возвысит.
Напомню слово опытных людей:
«Знай – знающий, разумный – разумеи!»
Умом постигнешь ты искусство чтенья,*

*Потом писать придет тебе уменье.
Болезнь невежд не вылечат врачи,
Познанием невежество лечи.
Ум – та веревка, что в тяжелый час
Над пропастью удерживает нас.
Быть мудрым и скупцу прямой расчет,
Он выгоду из знаний извлечет.
Мы только с помощью ума и знания
Осуществим заветные желанья*.*

Стихи легко ложились на бумагу, которая жадно впитывала в себя чернила, как будто заждалась этого неожиданного, нахлынувшего на Жусупа вдохновения. Но сколько бессонных ночей и тревожных дней провел Жусуп в полном одиночестве, марая бумагу бессмысленными набросками, обрывками каких-то фраз, не связанных между собой, не имеющих ни начала, ни конца! Композиция книги вырисовалась постепенно. Жусуп решил сделать ее из четырех частей, в каждой из которых отразились благодатные, не только правителям счастье приносящие знания, а обучающие праведной жизни всех: и каганов, и подчиненных, и зависимых от них людей.

Но каждая из четырех частей книги должна была последовательно проистекать одна из другой. В первой части описывалось, что правитель должен быть идеально справедливым и честным. Как образец честности, Жусуп решил вывести в своей книге царя Кунтуды.

Во второй части он решил рассказать о том, что правитель и его окружение должны стремиться к тому, чтобы в стране процветала справедливость и царили счастье и достаток. Как образец счастливой жизни приведена жизнь визиря Айтолды.

В каждом обществе неотъемлемыми компонентами справедливости и счастья должны быть ум и образованность. Как образец образованности и ума – сообразительности в третьей части Жусуп решил рассказать о сыне визиря Угдылмыше.

В четвертой, заключительной части, речь шла о том, что во всем человек должен знать меру, уметь вовремя остановиться.

* Здесь и далее переводы стихов Н. Гребнева и С. Иванова.

Как образец такой сдержанности Жусуп поведал о дервише Одгурмише, родственнике визиря Айтолды.

В каждой из частей, помимо жизни главных четырех героев, Жусуп решил рассказать о том, что волнует этих героев, чем они могут быть озабочены.

Каган должен знать, что государству нужна крепкая, мудрая власть. Нужна твердая рука, направляющая деятельность беков, вельмож и чиновников. Нужна добрая власть, думающая о народе, о его нуждах. Нужна разумная власть, думающая о просвещении народа. Из этой мысли о крепкой и непоколебимой власти выходили четыре принципа.

Во-первых, в государстве должны действовать справедливые законы, обязательные для всех без исключения граждан: от водоноса до государя. То есть, провозглашается принцип верховенства Разума.

Во-вторых, главной заботой государства должно быть благополучие народа. То есть, выдвигается идея добра, человеколюбия, гуманности.

В-третьих, все, что предпринимается в государственных делах, должно опираться на Разум – знания и образование.

В-четвертых, граждане в государстве должны быть умеренными в своих потребительских желаниях. Алчность, жадность, хищничество – злейший враг общества.

И все четверо героев книги, все четыре персонажа соответствовали этим четырем ипостасям.

Кунтуды (Рожденный Солнцем) – правитель, образец честной и твердой власти.

Айтолды (Полная Луна) – олицетворение добра, человеколюбия, гуманности.

Образец образованности и ума, сообразительности – сын визиря Огдюльмыш (Достохвальный). Сын визиря или министра становился олицетворением разума, знаний и образования, столь необходимых всем тюркским детям и юношам.

Аскетичный дервиш Одгурмыш (Пробуждающий) становится символом терпимости, служения вере и благочестия.

По замыслу Жусупа, его четыре главных героя ведут между собой беседы, спорят, обсуждают многие важные проблемы.

Каким люди видят кагана-правителя со стороны и каким он должен быть на самом деле? И Жусуп посвящает целую главу тому, какими качествами должен обладать правитель государства. В последующих главах рассказывается об идеальных, по разумению автора, визирях-министрах правителя, о военачальниках, а также описывается, какими должны быть секретарь, посол, казначей, повар, виночерпий, ученый, писарь, лекарь, толкователь снов, звездочет, купец, скотовод, ремесленник...

Правитель хорош, если добр и спокоен. Слова его – угли, прожигающие самый толстый войлок... Правитель немногословен. Правитель не должен мешать своим бекам исполнять обязанности, не должен вмешиваться в мелочи, обращаться поминутно к чиновникам.

А вот какими должны быть беки:

Распущенный бек, не надейся на силу:

Народ тебя запросто сбросит в могилу...

– написал Жусуп и остался доволен этим разящим двустишием, которое арабские поэты называли бейтом.

Таких двустиший в книге Жусупа было шестнадцать тысяч.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как спорили каган Кунтуды и визирь Айтолды

Маще всего Богра-каган и Хас Хаджиб Жусуп сидели на персидском ковре друг против друга, поджав под себя ноги, как это делают все кочевники, и вели долгие и вразумительные беседы.

В своей книге Жусуп изобразил эти беседы как разговоры кагана Кунтуды и визиря Айтолды... Один из них олицетворял справедливость, другой – символ благосостояния. Беседы их были доверительные и откровенные. Хотя скрывать им друг от друга было нечего, визирь-министр всегда должен был помнить, что перед ним правитель страны, отмеченный высшим благоволением судьбы и небес, а не простой смертный, как он сам. Поэтому визирь никогда первым не начинает беседу, а ждет, когда заговорит каган, тем самым, определяя тему предстоящей беседы. Но сегодня каган молчал, может быть, надеялся, что визирь проявит нетерпение и выдаст, что ему разговоры с повелителем в тягость. Но Жусуп пока еще не произнес ни слова.

Наконец каган задал свой вопрос, плохо скрывая раздражение поведением визиря:

– Кто этот человек по имени Или, о котором ты пишешь?

– В давние времена на нашей земле жил человек, которого люди называли этим именем – Или. Это был праведник, бек, известный в народе своей честностью и справедливостью. Он говорил так: «Человек, занятый важным делом, должен носить звание бека. И если этот бек добропорядочен, люди будут ему благодарны за его деяния, и перед ним откроются все двери. Только делами своими может человек достигнуть величия и почета».

Почета добьется трудом славный бек,

И в ад попадет плохой человек!

Хорошему беку поможет и раб,

Путь к счастью рабу отворить будет рад.*

*Перевод О. Жанайдарова.

Или жил в очень давние времена. Недалеко от нас есть жайляу, носящее его имя. И большая река Или названа его именем.

– Так, значит, этот человек оставил после себя великий дух... – сказал каган задумчиво. – А скажи-ка мне, исполнятся ли когда-нибудь все желания и мечты визиря Айтолды?

– Великий каган, то, что для одного хорошо, для другого может оказаться плохим. То, что для раба хорошо, разве может быть хорошим для его хозяина? И что может быть хорошим для кагана Кунтуды? Только очень хорошее!

– Разве трудно отличить хорошее и доброе? Что плохо, то плохо, несмотря ни на что.

– Великий каган, а Вы можете сказать, к чему надо быть близким и от чего нужно уходить как можно дальше?

– Прежде всего, необходимо избегать людей с плохой репутацией. Держись от таких подальше... Я, например, очень не люблю людей жадных.

– А как выглядят плохие люди?

– Взгляд у них холодный, жестокий, сами они собирают и распространяют про других сплетни и слухи, не имеют своего мнения. Плохие люди бесстыжие, жадные, лживые, доносящие на своих друзей. Я бы не хотел иметь в своем окружении таких.

– А если плохой человек оказался твоим родственником? Что тогда делать? Отказаться от него? Идти у него на поводу?

– Большинство родственников не могут быть плохими... Беда в том, что родственники – самые завистливые люди на свете. Иногда они используют свои отношения против тебя. Тогда эти родственники будут твоими врагами всегда. В этом беда. Лучше держаться от них подальше и не приближать к себе. Про таких родственников есть древние стихи:

*Если с родственником дружишь каждый день,
На твою же будет наступать он тень...**

Так они беседовали вдвоем длинными зимними вечерами, иногда обсуждая написанные прошлой ночью Жусупом стихи, иногда просто вели беседу на отвлеченные темы. Каждый раз Жусуп убеждался, что правитель мудр и терпелив, выдержан, к врагам жесток и добр к друзьям. Богра-каган более всех подходил к образу справедливого кагана Кунтуды, которого Жусуп описывал в своей книге.

*Перевод О. Жанайдарова.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О семи планетах и двенадцати знаках зодиака

Жусуп верил в то, что мир, вселенная созданы неким высшим существом, но не был фанатиком веры в бога, как некоторые. И никогда не уповал на высшие силы, своей жизнью, трудом, терпением и старанием добиваясь всех благ, пропитания и почестей. Большой загадкой для него была та целесообразность, с которой было создано все вокруг: в природе, в жизни людей, на небе, в космосе. Также для него были великими загадками движение планет на небе при неподвижных звездах, созданный воображением людей зодиакальный цикл из двенадцати лет, двенадцати месяцев. Столетие составляло именно сотню лет, цифра десять обозначала именно десяток чего-то...

*Я, слава Бога, начал строки эти:
Он сотворил все сущее на свете.
По воле Бога, от его щедрот –
Небесный и земной круговорот.
Предначертал творец пути вселенной,
Луне и Солнцу дал он свет нетленный.
Под звездный кров он землю поместил,
Он день и ночь не равно осветил.*

В великой книге мусульман Коране Жусуп вычитал между строк, что Создатель управляет ста тысячами разумных миров, и только один из них позволил лицезреть человеку, жить на этой планете, трудиться, продолжать свое потомство, предопределяя вечный круговорот жизни. Видеть своими глазами

другие миры позволено было только ему, Создателю этих самых миров, Великому и Непостижимому Высшему Разуму – Богу.

*Иные звезды в полночном мраке
Горят, как направляющие знаки,
Одни, сияя, служат украшеньем,
Другие зло сулят расположеньем.
Те звезды ярче месяца блистают,
Те еле светятся, те угасают.*

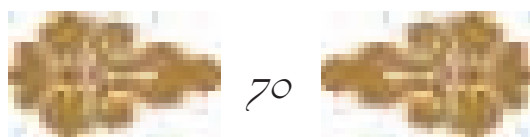
Жусуп часто наблюдал ночное небо, взойдя на крышу своего двухъярусного дома, пытался определить, где один знак звериного зодиака переходит в другой, следил за движением Луны и планет, все более удивляясь гармоничности и целесообразности мироздания. В ночном небе властвовала Луна, планеты и звезды как бы подчинялись ей, следуя тем маршрутом, который им определила ночная красавица.

*Нет в вышине, что только днем лазурна,
Планеты отдаленнее Сатурна.
И в каждом зодиаке нам она
Два года восемь месяцев видна.
Юпитер ярок в ясную погоду,
Бывает в каждом доме он по году.*

Красная планета Марс, которую тюрки называли по-своему Арай, в греческих книгах по астрономии называлась Арес, была планетой войн, раздоров, бедствий.

*Мрачна планета Марс, чей грозный вид
Великой засухой земле грозит.*

Солнце – олицетворение тюркского бога неба Тенгри – тоже было небесным телом, и именно оно было хозяином всей

жизни вокруг него. В древности массагеты сравнивали быстроту движения Светила с бегом коня... Солнце приносило тепло, прогоняло холодную зиму, оживляло все вокруг. Но и оно же могло быть жестоким. Застав путника одного в пустыне, могло испепелить его, иссушить, лишит жизни. Солнце в небе – великое светило, и величие его можно сравнить только с величием Творца...

*Сияет солнце, и своим теплом
Ласкает ночью месяц, землю – днем.*

Венера – утренняя звезда имела и тюркское имя Шолпан, ее еще называли звездой пастухов, звездой кочевников. Шолпан всегда находилась рядом с солнцем, утром и вечером, по ее блеску тюрки-животноводы определяли свои маршруты кочевания по бескрайней степи.

*Когда Венера по утрам сияет,
Нам свет ее удачу предвещает.
Нам говорит Меркурия сиянье
О скором исполнении желанья.*

– писал вдохновенно Жусуп, все больше проникаясь желанием разъяснить людям, что в мире все едино, зависит одно от другого.

*Но всех планет Луна видней и ниже,
И тем она полней, чем к солнцу ближе.*

Лишь однажды в жизни, в далеком детстве, когда он прогуливался после занятий со своей дорогой подружкой Шарой, довелось ему увидеть замечательную небесную картину, когда только-только народившийся месяц, тоненький серп Луны появился на синем-синем небе, а рядом с ним сияла яркая звездочка... Других звезд на этом вечернем небе не было видно,

только Луна (Ай) и Звезда (Жулдуз) светились рядом друг с другом, словно влюбленная пара.

Шара первая обратила внимание на эту незабываемую картину, даже стала припевать какую-то детскую песенку, соответствующую моменту. Он забыл слова той песенки. И теперь лихорадочно записывал вслед за своими скачущими по небесным сферам мыслям. Он попытался в стихах описать знаки древнего зодиака, свидетельства причастности кочевников к космосу, поскольку большинство этих знаков были символами животных, с которыми степняки общались всегда: Овен – баран, Телец – бык, Козерог – коза, Стрелец – человекоконь, кентавр...

*Среди планет блестят в ночном дыму
Созвездья – парно и по одному.
Вдоль солнцепутья средь ночного мрака
Горят двенадцать знаков зодиака.
В небесной мгле соседствует любовно
С созвездием Тельца созвездье Овна.
Созвездье Близнецов, созвездье Рака –
Соседственные знаки зодиака.
А дальше – с головою голова –
Созвездье Девы и созвездье Льва.
Расположились в центре небосклона
Созвездия Весов и Скорпиона,
Созвездья Водолея, Козерога,
Стрельца и Рыбы – далее немного.
По три созвездья зимних и весенних,
По три созвездья летних и осенних.
Для воздуха, огня, воды, земли
По три созвездья светятся вдали.
Между иными звездами всегда*

*Открытая иль тайная вражда.
Когда встречаются, несясь по кругу,
С враждой они бросаются друг к другу.
С небесной выси падает тогда
И гаснет побежденная звезда.
А если им столкнуться не случилось,
Сменить готовы звезды гнев на милость.
Блестает мир светил, небесных тел, –
Светить – так им Создатель повелел.*

Жусуп облегченно вздохнул, завершив очередную главу книги. Теперь его земляки будут знать, что в небе царит полный порядок и гармония, все управляется Создателем, которого люди называют по-разному: кто Аллахом, кто Тенгри, кто Кудаем, кто Буддой. На все ЕГО воля!

Жусуп собрал разбросанные вокруг письменного столика бумаги, сложил их в одну стопку и посмотрел в окно. Рассвет уже пришел в этот мир, небесная синева была спокойна и мягка. Поэт поднялся, разминая затекшие во время работы ноги, вышел в сад перед домом. Белым сочным цветом цвели яблони, разбрызгивая сиреневые и лиловые тона, зацвели лучшие в мире груши... Там, где завершались ряды яблонь и груш, возникал живой забор из зелени, отграничивая сады министра двора от владений других хозяев. Усадьба Хас Хаджиба утопала в весенней зелени, над высоким забором медленно всходило солнце. Где-то среди ветвей пел соловей, снова плача о своей возлюбленной, унесенной вчера безжалостным коршуном...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Завершение работы над «Книгой о счастье»

Много лет проработал Жусуп, сочиняя свою книгу о счастье. Некоторые страницы и даже главы ее давались легко, и тогда поэт был счастлив, благодаря Тенгри Создателя за то, что тот ниспослал ему вдохновение. Но другие страницы книги давались тяжело, мучительно, и такие дни и бессонные ночи были самыми трудными в жизни поэта. Вообще, кто сказал, что труд поэта может быть легким? Кто первым на белом свете посмел высказать эту глупость? Это ложное мнение о легкости жизни поэта, сочинителя сладкозвучных и гармоничных строк потому и возникло, что сами стихи, точнее, очень хорошие стихи, которые очень часто становятся любимыми в народе песнями, звучат весьма легко, легко ложатся на язык, легко произносятся и поются. Но разве это означает, что сами стихи были сочинены запросто поэтом-глупцом, просто так, сидя в чайхане за пиалой с виноградным вином?

С годами Жусуп стал различать стихи, в которых мало вложено труда сочинителя, от стихов, над которыми автор изрядно потрудился. Именно такие стихи, тяжело давшиеся поэту, всегда казались сочиненными очень легко! Вот ведь в чем дело! Чем тяжелее работа, тем сладостен ее итог! Этим мыслям Жусупа ближе всего были такие стихи:

*Стихи слагал я, делал связной речью
Слова и звуки тюркского наречья.
Слова не сразу стали мне покорны,
Искал я, очищал их, словно зерна.
Чтоб в них звучали радость или горе,*

*Не знал я сна, с самим собою споря.
Вот и сейчас, предвидя осужденье,
Я в сотый раз прошу у вас прощенья.
Я правды не бежал и не таил,
Что знал, что думал, то и говорил.*

Прошло почти два десятилетия работы над «Книгой о счастье», и вот настал такой день, когда Жусуп записал ее последние страницы.

*Каган приблизил, чтобы в некий день я
О жизни высказал свое сужденье,
И восемнадцать лет уже подряд
Слова искал я, как заветный клад.
Порой не знает меры речь людская,
Ее поток течет, не иссякая.
Старайся, о Жусуп, не захлестнуть
Потоком лишних слов прямую суть.
Пусть то, что найдено ценою крови,
Не пропадет в ненужном многословье.
Пусть будет слово крепче связи той,
Что нас с пустой связует суетой!
Ничтожен мир, он льстив, как лживый друг,
Ему поверишь – не избежешь мук
Ужасных тем, что люди в ослепленье
Готовы их принять за наслажденье.
Жусуп, ты путь свой начал не вчера;
Растратил юность, каяться пора.
Пусть жить тебе сто лет, но час пробьет,
Когда-нибудь придет сто первый год.
Великий Тенгри, защити меня,*

*С пути порока уведи меня!
Я отдалялся от тебя порой,
Я забывался в суете мирской.
Я – грешный раб, я – раб неверный твой,
Но я стою с повинной головой.
На свете правды нет и счастья нет,
Лишь ты нам даришь истину и свет.
На что я опирался, о слепец,
Кому я доверялся, о глупец,
Пред тем как грань миров перешагнуть!
Как жить теперь, чтоб обелить свой путь,
Чтоб никогда не заслужить потом
Забвенья в мире этом – кары в том?!*

Обращение к богу не было простой традицией человека, прожившего длинную и хлопотливую жизнь. В последние годы Жусуп все больше склонялся к мысли, что Создатель этого мира настолько непостижим в своем величии, что не верить в него просто недопустимо... Но означало ли это его убеждение веру в бога как такового, он так и не выяснил.

Теперь, когда книга была завершена, необходимо было переписать ее набело, исправляя и дополняя. Это тоже оказалось нелегкой работой, поскольку переписать огромную кипу бумаг, составляющих десятки поэтических строк, оказалось не так просто. Одно это говорит о тяжелом труде сочинителя.

Прошло полгода, и эта работа по переписке книги и улучшению ее содержания, по переделке некоторых, на его взгляд, слабых мест была завершена. Теперь надо было переплести страницы, облачить книгу в красивую обложку и преподнести ее заказчику – правителю страны Богра-кагану...

Ни сам автор книги поэт Жусуп из города Баласагуна, ни заказчик ее великий каган Богра ибн Харун не думали, не гадали, что этой книге предстоит прожить почти тысячу лет и дойти до многочисленных стран и народов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Одинокая песня

Кас Хаджиб Жусуп, доживший до преклонных годов, сидел в своем доме, перебирая старые записи, когда внезапно услышал этот грустный далекий девичий голос, словно зовущий его. Торопливо накинув на плечи старенький чапан, бывший министр двора старческим шагом вышел во двор своего дома и увидел старика – слепца и рядом с ним девушку в бедных одеждах, по-видимому, внучку старика. Они стояли под палящим солнцем и просили милостыню у горожан.

Прошло много лет, как министр двора перестал служить во дворце, поскольку его государь Богра-каган умер и его сменил на троне его наследник, молодой и весьма глупый человек, не интересовавшийся ничем, кроме еды, женщин и развлечений. Такому правителю не был нужен просвещенный советник... И теперь Жусуп спокойно доживал старость в своем доме с садом и водоемом. Пошарив руками в карманах чапана и найдя мелкую монету, он сунул ее в протянутую руку старика, и уже хотел уйти, но тут девичий голос, снова запевший песню и привлекавший его внимание несколько минут назад, остановил его.

*У дверей чужого дома
Вышивает девушка Мулян,
Песню грустную поет она,
Еле слышен ее голос.
Вот перестала она вышивать,
И тогда стал голос ее сильнее,
Что за мысль ее посетила,
Что за секрет такой?*

Только один человек на свете пел когда-то эту песню, и голосок ее был похож на голос этой девушки. Поэтому и замер

семидесятилетний поэт, с волнением сердца прислушиваясь к эху далекого детства... Его любимая Шара когда-то пела эту древнюю песню про несчастную девушку по имени Мулян...

*Девушка тихо отвечает:
– Слышала вчера я указ кагана,
Это был воинский указ,
В нем говорилось о моем отце.
Но у моего отца нет сына,
А у меня нет старшего брата,
Сама я пойду на базар и куплю коня,
Вместо отца и брата пойду на войну...*

Несомненно, это была та самая древняя песня, которую пели девушки из воинственного племени «десяти стрел» – кангюи, отправляясь в поход...

*На востоке я возьму скакуна,
На западе куплю снаряженье для него,
На севере куплю камчу,
А уздечку и седло
Подарили мне на юге.
«Прощайте!» – сказала я отцу и матери
И поутру отправилась в поход.
К вечеру достигнув Желтой реки,
Остановилась на отдых...
Не слышен голос счастья,
Не слышны голоса отца и матери,
Слышно только журчание
Быстрой реки.
Утром простилась она с рекой,
Достигла горы Каратау,
Не слышны пожелания отца и матери,
Только ржут бешеные лошади гуннов
У подножия горы Карлыгаш.*

Далее в песне рассказывалось о том, как девушка Мулян и ее братья по оружию сражались с врагами. Несколько месяцев, а потом и лет находилась она в походе, сокрушая горы, крепости и города... В одной из жестоких битв погиб сардар-военачальник, и через десять лет возвратились воины домой... Прослышав о великих подвигах воина по имени Мулян, вызвал его на аудиенцию сам каган, сидящий на золотом троне. Спросил каган: «Мой великий воин Мулян, ты совершил славные подвиги, какое у тебя будет пожелание?» Отвечает Мулян: «Дай мне, великий каган, верблюда, чтобы мог я добраться до отца с матерью...» Вот на большом белом верблюде в окружении воинов-друзей добрался батыр Мулян до родного дома... Встретили ее родные и близкие, отец с матерью услышали о возвращении дочери, старшие сестры вышли встречать ее, расчесав свои длинные волосы, младшие братья зарезали много скота, чтобы достойно встретить ее...

Вошла Мулян в свой родной дом, села на свою постель, и только теперь сбросила с себя воинские доспехи, одела свои прежние одеяния, и увидели ее друзья-воины, что двенадцать лет рядом с ними бок о бок сражалась с врагами девушка...

Последние строки песни были такие:

Старый заяц крепко стучит своими лапами,

Зайчиха с быстрыми глазами крепко стучит лапами,

Когда они рядом, кто сможет различить,

кто из них мужчина, а кто женщина?

Слепой старик и девушка давно уже ушли улицами города собирать свою скорбную дань с добропорядочных горожан, а Хас Хаджиб, старый поэт Жусуп все еще стоял у ворот своего дома, держась за ручку двери. Дрожь пронизала его старое тело, он все еще слышал в своем мозгу песню о девушке Мулян, которая была сочинена еще во времена гуннов... и которую впервые спела ему девочка Шара много-много лет тому назад...

Сейчас он, неся в своем сердце великую печаль, откроет дверь, перешагнет порог родного дома и войдет в вечность вслед за своей «Книгой о счастье». Мир его дому!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«Книга о счастье» в руках султанши Шарипы

Склонившись над книгой, султанша Шарипа (девочка Шара) вдохновенно читала первые страницы «Книги о счастье», которую по ее просьбе переписали дворцовые писцы: «Во имя создателя милостивого и милосердного!»

Перед началом книги имелась записка о том, что «Книга о счастье» Жусупа из Куз-Орды имела полный успех среди знатоков и любителей поэзии.

«Хвала и восхваление, благодарение и слава создателю, могучему и великому, ибо он – властитель всемогущий, величественный владыка;

он создал все земное и небесное, всему живому дал пропитание; все желанное ему свершил он;

все, на что ни будут воля его и благоволение, свершает он;

все, что ни вознамерится осуществить, воплощает он;

все, что ни предрешает он, свершается.

И да будут бессчетны хвалы посланнику божьему, стоящему над всеми созданиями – Мухаммаду избранному, и да будет неизбынное благоволение господне над достойными и славными сподвижниками его!»

«Книга сия величественна в славе своей, – писал главный писец дворца. – Читающий книгу сию, созданную по изречениям мудрецов Китая и украшенную стихами мудрецов Индии, и возвещающий стихи ее сам возвеличен ею».

Ученые и мудрые мужи Индии согласны в том, что в восточных владениях, в государствах Туркестана никто не составил свода лучше этой книги, сочиненной на языке нынешнего правителя Богра-кагана и тюркской речью. К какому бы властителю и в какой бы предел ни доходила эта книга, – за ве-

ликие совершенства и беспредельные красоты ее премудрые и ученые мужи тех держав одобряли ее и давали ей различные названия.

Мужи Китая называли ее «Сводом благочиния», сподвижники государей Индии звали ее «Радетелем держав», повелители стран Востока именовали ее «Украшением властителей», иранцы называли тюркской «Книгой шахов», а некоторые – «Книгой наставлений властителям», туранцы или тюрки же зовут ее «Благодатное знание» или «Книга о счастье».

Сочинитель сей книги – уроженец Баласагуна, поэт по имени Жусуп, человек воздержанный и благочестивый. Завершил же книгу сию в Кашгаре и представил ее ко двору властителя Востока Богра-кагана; повелитель почтил и возвеличил сочинителя, дав ему титул хасс-хаджиба; посему и известна слава имени его – Жусупа, Великого хасс-хаджиба».

«Значит ее Жусуп, ее возлюбленный стал теперь министром в стране Караханидов, – подумала султанша Шарипа. – Но и по происхождению он был беком над беками, не многого же он достиг при дворе Богра-кагана... Сколько же ему теперь лет?.. Ей самой уже почти пятьдесят, она родила султану Махмету четверых детей, двух сыновей и двух дочерей, немного располнела, но лицо у нее, по отзывам подруг, оставалось таким же свежим и прекрасно-наивным, как в юности...»

«Основа сей книги, – читала султанша, – несколько непреходящих ценных сутей: первая – Справедливость, вторая – Счастье, третья – Разум, четвертая – Непритязательность, и каждой из них по-тюркски наречено имя.

Справедливости дано имя Кунтуды, он же властитель страны. Счастье воплощено в имени Айтолды, это – визирь. Разум олицетворен в имени Огдюльмиш, это – сын визиря; Непритязательность носит имя Одгурмыш, это – родич визиря. И меж ними происходят беседы – произносятся вопросы и ответы».

«Да возрадуется сердце читающего и да помянет он доброй молитвой сочинителя, если будет на то воля Создателя!» – завершил добросовестный писец свое сопроводительное к книге письмо.

Просвещенная султанша Шарипа начала читать стихи, узнавая знакомую тюркскую речь, чувствуя через эти слова ароматы степных трав...

*Над сущим господь вознесен величаво,
Ему подобает великая слава!
Велик и могуч он – держатель главенства,
Творец и зиждитель, само совершенство.
Владыка всех тварей, небес и земли,
Тебе дал он пищу – вкушай и внимли!
Всем тварям обильная пища дана им,
Он всех питает, а сам не питаем.
Всё даст он живым – не оставит несытых,
Он пищу им дарит, водою поит их.
Всему его волей даруется лик,
Кого он возвысит – тот будет велик.
Да славен посланник, что призван всесущим,
Хвала его присным, с ним вместе идущим!
Над всеми поставлен пророк наш высоко,
Стал божьим созданьям зеницею ока.*

Слезы застилали ее глаза, капали на белые чистые листы бумаги, но она продолжала читать и читать эти замечательные двустишия, словно бессмертные строки великой поэмы всех времен «Шахнамэ» Абулькасима Фирдоуси...

В книге Жусупа ей попадались те же имена, те же легендарные образы и имена Ануширвана, Феридуна, Рустама, царя Турана Афрасиаба, к царственной ветви которого принадлежали ее отец и она сама. Читая книгу, она постепенно постигала замысел Жусупа. Четыре главных героя беседовали, спорили друг с другом, рассказывали разные поучительные истории из жизни правителей и простых людей. Но вот в конце поэмы (а книга Жусупа, несомненно, является великой

поэмой о счастье и жизни) умирают Айтолды и Одгурмиш, олицетворяющие Счастье и Отрешенность... В живых остаются Кунтуды и Огдюльмыш – олицетворение Справедливости и Разума.

«Счастье – это ведь Любовь, не иначе, – стала размышлять султанша, значит, Жусуп тоже разуверился в том, что человек способен быть счастливым без Любви... Без Любви нет ничего. Любовь сводит с ума. Любовь – есть смысл жизни. А кому нужны Справедливость и Разум без Любви? Никому!»

Четверо ее сыновей, наследники султана Мехмета, как истые сельджукиды вынашивали в своих головах планы нападения на Туркестан и завоевание его, и она, их мать, ничего не могла против этого сделать. Не она была хозяйкой в этой стране, а ее муж и его вельможи, визири и министры, и военачальники, среди которых были ее выросшие сыновья...

Тридцать лет скрывала она любовь к далекому чиновнику дворца тюркского кагана, высокородному и благородному Жусупу, поэту, ставшему министром, и никто никогда не узнает, что на самом деле она любит именно его, а не султана Мехмета... Хотя, конечно, дети ее, любимые и ненаглядные, особенно младший Мурат, которому предрешиено стать турецким пашой, это ее надежда и опора в этой жизни.

Несколько дней читала султанша книгу Жусупа из Куз-Орды, наплакавшись всласть, а потом пришла в себя, вытерла слезы, позвала служанок и вновь приступила к хлопотам по управлению домом и хозяйством. Таков был удел турецкой женщины, старшей жены султана, и ничего другого ей не было дано.

Эпиграф

Поэту Жусупу из города Баласагуна удалось то, что позднее знатоки поэзии назовут «творческим горением, переплавившим в своем огне несколько литературных традиций». Самое главное, ему удалось показать, насколько богато устное творческое наследие тюрков того времени.

Наряду с этим он создал монументальное эпическое творение, великий памятник тюркоязычной поэзии, достойный быть названным в ряду крупнейших произведений мировой литературы средневековья.

*Мы на земле богаты и бедны,
А под землей для смерти все равны.
Богатство, как соленая вода:
Мы пьем и не напьемся никогда.
Похожи люди на сухой песок:
Он поглощает дождь, а все не впрок.
Людская жизнь, что искра, что звезда:
Мелькнет на миг, погаснет навсегда.
Что говорит умнейший из людей,
Хозяин, а не раб своих страстей:
Достойным оставайся, человек!
Богатству не сдавайся, человек!
Твоя душа, как жертва святотатства,
Легко погибнет под ножом богатства.*

*Тебя богатство, заманив в свой круг,
Окрутит паутиной, как паук,
И знанье не найдет к тебе пути:
Ему сквозь паутину не пройти.
Таков наш мир, что населен людьми,
Все, что сказал я, правильно пойми.*

Стихи Жусупа Баласагуни актуальны всегда, когда многие забывают древнюю истину, что деньги, богатство, капитал не стоят того, чтобы ради них идти против совести и чести. Жизнь найдет возможность предоставить человеку шанс стать богатым и счастливым, надо только дождаться его и тогда правильно использовать... Но ставить самоцелью всей жизни – накопительство не только глупо, но и пагубно для души.

*Четыреста да шестьдесят да второй
Шел год, как я этому слову дал строй.
Не думой о славе я был одержим,
Желал людям благ я – своим и чужим.
Наследство живому от мертвого – слово,
И польза верна от наследья такого.
Живой и живущий! Меня не забудь,
Когда под землей мне придется заснуть!*

Около тысячи лет прошло с тех пор, а слово поэта Жусупа из города Баласагуна живет, являясь общим великим наследием для казахской, кыргызской, узбекской, туркменской, азербайджанской и других тюркских литератур.

Уважаемые читатели!

Книги серии «Знаменитые люди Востока» знакомят детей с людьми, чьи деяния до сего времени не были достойно отражены в детской художественной литературе. Они охватывают крупные исторические события, судьбоносные сражения, межгосударственные отношения, деятельность великих исторических личностей, каганов, батыров и ученых. Книги этой серии помогут развить в детях чувство патриотизма и гордости за свою Родину, поведают им о делах их великих предков.

Руководитель издательского проекта

К. Раимбеков

Автор

О. Жанайдаров

Консультант

доктор исторических наук, профессор Б. Аяган

Художник

А. Кадырханова

Главный редактор

К. Байгабулова

Художественный редактор

Е. Козлова

Редактор

Л. Антохина

Корректор

О. Боровая

Дизайнцентр издательства «Аруна»

А. Романова

*Казахстан, 050000, г. Алматы, ул. Чайковского, 190/184, офис 23
Тел./факс: (727) 2 72 84 11, 2 72 84 21*

*По вопросам оптовой продажи обращаться в торговый отдел
издательства «Аруна». Тел./факс: (727) 2 72 84 11, 2 72 84 21
E-mail: aruna_ltd@mail.ru*

*Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 17. Тираж 10 000 экз.*

Типография «IntellService»

